

АЛЕКСАНДР КУРЗАНЦЕВ

НЕ НАСЛЕДНИК, КОТОРОМУ ПО...

К Н И Г А # 2

Annotation

Его звали архимагом, его звали богом, его звали императором, иногда богом-императором одновременно. Когда-то он даже имел титул, – Смертоностный Бог Убийца Царь Смерти. Временами он был Светлым властелином, и тогда к нему приходили войной тёмные, временами, – Тёмным, и тогда приходили войной светлые. О его любовных похождениях рассказывали легенды, в его гаремах были тысячи первых красавиц, но однажды он совратил высшую суккубу, – жену верховного демона – и жизнь величайшего мага современности трагически оборвалась. А, когда он переродился в совсем другом времени и мире, в теле наследника магического аристократического рода, то понял, что в новой жизни надо что-то менять...

В книге присутствует нецензурная брань!

Александр Олегович Курзанцев

Не наследник, которому по...

В тёмной комнате без окон сидело двое. Два едва различимых силуэта. Лиц их не было видно как и двигающихся губ и казалось, что голоса рождаются в этой тёмной пустоте из ниоткуда.

– Уважаемый сэр, вы читали последние новости?

– Конечно, как и любой приличный джентльмен, я начинаю утро с кофе и новостей. А что вас в них заинтересовало?

– О, мне показалось интересным краткое упоминание, что бывший наследник рода Рассказовых стал болдаром.

– Рассказов? Да, помню печальную историю с ним. Мальчик оказался слишком горяч и эмоционален. Похвально, что молодёжь принимает близко к сердцу несправедливости нашего общества, ведь полиция задержала его на совершенно смехотворном основании, но не разумно, ведь теперь наследником ему не быть.

– Согласен с вами, сэр, но с другой стороны, когда он был малдаром, это была просто печальная история, но теперь, когда он болдар – это может стать историей мести.

– Вы думаете, коллега?

– Почти уверен в этом. Главное направить парня в нужную сторону. Давно пора слегка взбодрить бездарей, возомнивших себя правителями мира. С каждым годом я вижу в их глазах всё меньше уважения к нам. Мы связаны ограничениями по рукам и ногам. Пара тройка дополнительных прав и свобод нам, как аристократии, тут совсем не повредит.

– Вот это верно, милейший, верно, этого действительно не хватает.

Внезапно в глухой двери лязгнула заслонка, и в камеру проник яркий электрический свет, заставивший обоих мужчин сощуриться и заморгать.

В зарешётченном окошке показалась усатая недовольная морда, железная дверь громыкнула от молодецкого пинка и морда грозно рявкнула:

– А ну тихо, разговорились мне тут.

Затем заслонка поехала обратно и вновь стало темно.

– Мда, – уже тише резюмировал голос первого, – очень не хватает свобод.

– И прав, прав, – вторил ему второй.

Глава 1

Подставу с болдарством я запомню надолго. Это же надо, в один момент все планы взять и одним махом спустить в унитаз. Особенно в свете того, что теперь меня без вариантов ждёт академия для болдар. И там вам не тут, никаких – после уроков домой, там полноценный пансион, вон, как мой братец младший, которого домой отпускают только изредка. А значит плакала моя лаборатория в подвале.

Жалко было лишится и кружка физиков с незабвенным Аристархом Эдмундовичем. Собственно и Канаплян, по началу обрадовавшийся тому, что я перестал быть наследником, после известия о моём болдарстве разом поскучнел и печально со мной попрощался, когда я забежал к нему напоследок, перед убытием в клятую академию.

Ещё ирония, кстати, заключалась в том, что академия, в пику названию школы «Последний путь», называлась – «Путь первых». Тоже мне. Особенно когда знаешь реальный расклад, кто тут на самом деле первые, а кто – индейцы в резервации.

– Как же тебя угораздило, – всё вздыхал Аристарх Эдмундович, провожая меня на выход из школы, а встреченные по дороге школьники, кто с завистью, кто с уважением шептали друг-другу: – Болдар, болдар, болдар...

Глупцы, не видящие дальше своего носа.

– Судьба злодейка, – ответил я, когда мы вышли во двор где я, напоследок, полюбовался стеной сосен за забором, по которым, наверное, буду скучать больше всего.

Хотя нет, больше всего я буду скучать по урокам физики. Одно меня слегка приободряло, я надеялся, что смогу позаниматься ею и в Академии. В конце-концов, должны же они даже болдарам давать хоть минимально-необходимый набор знаний о окружающем мире.

– Там было только два варианта, или быстро и решительно стать болдаром или сдохнуть.

– Ну тогда да, – вздохнул Канаплян, – тогда без вариантов.

А когда я вернулся домой, то с порога меня встретила радостно улыбающаяся маман и сходу заявила:

– Сынок, мы едем покупать всё необходимое для Академии.

– Так у меня вроде всё есть, – ответил я.

И это было правдой, потому что учебники по учебной программе школы я закупил заранее на все годы и даже успел уже проштудировать.

– Нет, мой дорогой, – заулыбалась та ещё сильнее, обняв и прижав к груди, – такого у тебя точно не было.

И тут я вспомнил, что с младшеньким и правда, куда-то уезжали, вот именно с этой подготовкой к учёбе, после чего он сразу стал какой-то чрезмерно надутый и важный. Именно тогда в первый раз он посмотрел на меня с каким-то превосходством во взгляде. Впрочем, что прошлому Дрейку, что мне было на это совершеннейшим образом плевать.

– Ну ладно, – вздохнул я, – едем, значит едем.

– Как я рада, что ты теперь болдар, – вновь умиленно вздохнула Эльвира, стоило нам усесться на заднее сиденье родового москвича, – за это обязательно надо выпить.

Она потянулась к бару, но я её опередил и достав бутылку шампанского, протянул женщине бокал.

Аккуратно, чтобы не стрельнуть пробкой в потолок и не забрызгать тут всё, открыл и наполнил на треть бокалы и ей и себе. Чокаться не стал, сразу пригубил свой, ощущая на

языке кисловатый привкус Кристалля от Лоиса Родерера. Не знаю кто там ищет в нём оттенки спелых яблок, свежее испечённого хлеба, имбиря и мёда. Лично на мой взгляд это было вполне стандартное сухое игристое вино, сильно переоценённое историческими байками про русского императора.

– Ты даже не знаешь, что тебе предстоит увидеть, – пригубив шампанского, мать зажмурилась от удовольствия.

Ну ещё бы, это её любимая марка. Что-что, а вкусы своей семьи я знал, это весьма помогает, когда хочешь чего-то добиться для себя. Думаете как у меня лаборатория появилась? Матери партия Кристалля, отцу коробка кубинских сигар. Настоящих, которые у нас не купишь, или купишь, но через тысячу перекупов за заоблачный ценник. А вот через глобальную сеть организовать доставку – другое дело. Пришлось попотеть, находя нужные контакты в даркнете, но я справился. Зато, теперь у меня есть хорошие знакомые в китайской мафии и русской разведке. Правда господин Брут, Анатолий Викторович, через которого я и заполучил сигары с самой Кубы, утверждал, что он скромный торговец оружием и только, но главным разведывательным управлением от него веяло за версту.

– И что же, это? – лениво поинтересовался я, раздумывая, можно ли всё-таки, как-нибудь забрать свою лабораторию с собой.

– Это место, в которое имеют доступ лишь болдары – магический район Иркутска.

– И что, туда никто кроме болдаров не ходит? – уточнил я, – и бездари не пробуют заглянуть? Там что, охрана на входе?

– А вот и нет, – лукаво прищурилась Эльвира, – не угадал. Бездари про него даже не знают. Он для них как бы не существует. И они не могут в него попасть.

– Как это? – слегка заинтересовался я.

– А вот так, потому что магия, – с превосходством в голосе заявила та, – представь, огромный район в самом центре города. Но который никогда не найти, хоть весь город, все улицы обойди.

– И как мы туда попадём?

– С помощью магии, конечно, – рассмеялась мать, – как же ещё. Я же говорю, что только болдары смогут туда попасть.

– Ну ладно... – протянул я.

Если они тут и вправду смогли реализовать концепцию вложенных пространств, то я, пожалуй, изменю в лучшую сторону мнение о местных магах.

– Что, и даже правительство об этом не знает?

– Правительство знает, – внезапно поскущела Эльвира, – но и только, по договору они тоже не имеют права туда заходить без разрешения Магсобрания.

– Что за Магсобрание?

– Высший орган у болдар, он представляет интересы магов при императоре и регулирует взаимоотношения внутри магического сообщества.

– А почему я про него первый раз слышу?

– Потому, – вздохнула мать, – что малдары находятся вне его юрисдикции, а статус секретности ограничивает распространение сведений об устройстве болдарского общества.

– Понаплодили собраний всяких, – буркнул я, – а как же спецкомитет по делам аристократов и дворянское собрание?

– Дрейк, не путай, – строго сказала Эльвира, – спецкомитет и дворянское собрание касаются только аристократов балдар или малдар – не важно, а Магсобрание всех болдар,

хоть аристократов, хоть нет.

– То есть, если я болдар-аристократ, то мне могут указывать и Магсобрание и спецкомитет и дворянское собрание? – уточнил я, – а если или простолюдин или малдар, то только кто-то один из них?

– Всё правильно, – кивнула мать, обрадованная моей догадливостью.

– Вот же жопа, – буркнул я недовольно.

Хотя догадывался, догадывался, что чем ты потенциально опаснее, то тем больше на тебя всяких контролирующих и проверяющих органов. Аристократ-болдар, это прям комбо, хуже сочетания и не придумаешь.

– И что конкретно мы там должны купить?

– Всё по списку из академии, – женщина протянула мне свёрнутый трубочкой листок на плотной, под пергамент бумаге, где красивым шрифтом с закосом под каллиграфию, с завитушками там всякими, было перечислено два десятка позиций.

После беглого ознакомления со списком, от которого брови мои сами собой полезли на лоб, я повернулся к матери и с сарказмом процитировал:

– Подрясник чёрный – два штуки, сапоги яловые обычные и хромовые – две пары, колпак с мехом и без меха, кафтан чёрный... Рили?!

– Эта одежда, – наставительно произнесла Эльвира, – символизирует нашу связь с предками и верность традициям. Этот перечень был предложен советом волхвов и утверждён царём для школ призванных обучать отроков ведовству и волхованию в тысяча пятьсот шестьдесят четвёртом году.

– Мда, – буркнул я, – вот это древность. А если бы я девочкой был, меня бы кокошник носить заставили?

– А как же, я носила! – с гордостью в голосе произнесла мать.

– Ну ладно одежда, а метла-то зачем? – ткнул я в позицию ниже, – летать на ней, что-ли?

Женщина тут же прыснула, прикрыв рот ладошкой.

– Нет конечно, – чуть успокоившись, ответила она, – метла это символ государевого человека – опричника. Болдары тогда все становились опричниками при царе, а метла была символом того, что они выметают из отечества весь мусор.

– И что, мне теперь там по академии с метлой ходить?

– Ну, на официальные мероприятия да, а так, на занятия можно и не носить, никто не заставляет.

Я вновь вернулся к списку, уже внимательней изучая.

– Блюдечко серебряное с наливным яблочком... Это что?

– Это магическое устройство дальневидения, – ответила маман, – покатаешь яблочко по тарелочке, да пожелаешь нас, родителей увидеть, оно и покажет. Ну или ещё кого.

– А клубочек волшебный?

– Он путь тебе верный укажет, до куда дойти пожелаешь.

Это было ладно, но вот следующий пункт вызвал во мне просто бурю эмоций.

– Борода?! – громко воскликнул я, вновь затыкав пальцем в список.

Не знаю, чего в моём вопле было больше, удивления и возмущения. Я и в прошлой жизни терпеть не мог всю эту растительность на лице, которая после недели отращивания начинала чесаться неимоверно, а уж здесь и подавно меня было не уговорить.

– Не собираюсь её отращивать!

– Накладная, – успокоила меня Эльвира, – для парадных выходов. Постоянного ношения не требуется.

– Ну ладно, – немного успокоился я, но тут посмотрел ниже.

– Собачья голова? – я подозрительно покосился на мать, – что, тоже накладная?

– А-ха-ха, – не выдержав, в голос расхохоталась она, – ну ты шутник, Дрейк. Нет конечно, медальон такой, на пояс на цепочке вешается. Тебе ещё повезло, в моё время настоящую сушёную собачью голову таскать приходилось.

– А почему сейчас не так? – любопытствовал я.

– Зоозащитники взбунтовались, – фыркнула женщина, – жалко им собачек, понимаете-ли. И плевать им на вековые традиции.

Я покивал для проформы, а сам подумал, что и хорошо, что взбунтовались. Ещё я гадость всякую не носил. А медальон... как говорить и чёрт с ним, пусть висит.

– Приехали, госпожа, – прогудел с переднего сиденья Вениамин, и я, оторвавшись от списка, увидел, что мы уже в городе, в какой-то полузаброшенной подворотне с ржавой металлической дверью в длинной кирпичной стене.

– И что, – произнёс я, выйдя наружу и критически разглядывая невзрачную местность, – за этой стеной и есть этот магический район?

– А вот и нет, за этой стеной обычный завод бездарей.

Подойдя к двери, Эльвира посмотрела на меня, а затем предложила:

– А используй на двери своё колдовство, она и отопрётся.

– Хм, ну ладно, – пожав плечами, я подошёл, чуть одёрнул рукава пиджака, и выдал из ладони огненную струю с лёгким гулом ударившую в дверь.

Послышался щелчок и та медленно отворилась, открывая проход.

Зайдя внутрь, мы прошли в странную кабину метр на два размером, без окон. А затем за нами сомкнулись толстые двери и я почувствовал, как кабина слегка дёрнулась. Приложив ладонь к стенке, почувствовал постоянную небольшую вибрацию и внезапно понял, что мы движемся. Очень плавно и почти незаметно и, судя по ощущениям, куда-то вниз.

А когда двери кабины разъехались, я увидел перед собой уходящую вдаль улицу, полную народу, по обеим сторонам которой располагались прилепившиеся стенами друг к другу разнокалиберные домики в два-три этажа, с цветными вывесками изобилующими старорежимными ятями в названиях.

– Вот и он, – взяв меня за руку, она вывела наружу, – магический район Иркутска.

Подняв голову вверх, я увидел потолочный свод на приличной высоте и лампы дневного спектра, достаточно мощные, чтобы не вызывать ощущение недостатка освещённости. Если особо не обращать внимания, то могло создаться впечатление, что ты на поверхности в слегка пасмурный день.

Значит, всё-таки, под землёй. Что ж, достаточно просто исполнимо в технологическом плане. Но именно что в технологическом. Одной магией такого не сотворить. И да, моё мнение о местной магической науке резко ухудшилось, про вложенные пространства можно было забыть. И это означало, кстати, что этот самый магический район строился вполне себе обычными инженерами и строителями из бездарей, и явно по госзаказу.

– Ну что же ты стоишь, пошли за покупками!

Вздыхнув, я позволил матери увлечь меня за собой. Что ж, хуже, наверное, не будет.

Толпа на улице была действительно большая, много было таких, кто явно закупался на учебный год, вернее полугодие, потому что каждый новый курс набирался из ставших

болдарами каждые полгода. Мне в этом плане даже повезло, если можно так сказать. Сделался я болдаром, будь проклят тот день и час, когда это произошло, аккуратно за неделю до нового набора.

И сейчас эти новоиспечённые болдары, с донельзя гордыми родителями, уныло обходили магазины, нагружаясь вещами согласно списка.

Увидев подростка в очках, засунувшего здоровенную метлу под подмышку с десятком пакетов в руках, тяжело вздохнул, если и была призрачная надежда, что метла – это что-то весьма условное и не функциональное, типа брелка на ключи или того же медальона с головой собаки, то теперь приходилось признать, метла там была вполне себе функциональная, хоть сейчас в дворники.

– Эльвира, дорогая! – послышался женский голос и с матерью полезла целовать воздух возле щёк какая-то дама.

Одета она была в деловой костюм, вполне обычный, если не считать цвета – ярко розового, прямо даже агрессивно-розового. Посмотрев на меня, она умиленно прижала ладошки к щекам и произнесла:

– Дрейк, неужели, а я так переживала, что старший брат Иоганна всё никак не может стать болдаром.

– Сьюзан, – чуть недовольно произнесла моя маман, которой слова дамы в розовом не слишком понравились, – Дрейк не становился болдаром потому, что не хотел, а не потому, что не мог.

– Я и сейчас не хочу, – буркнул я в ответ, но на меня не обратили внимания, обе женщины были поглощены противостоянием друг другу.

– Эти старшие, такие своевольные, – заулыбалась Сьюзан, – жаль только, что он уже не наследник, – и она с притворным сочувствием взглянула на меня.

– Но, наверное, это тоже было его решением? – и она, по акулий улыбнувшись, снова посмотрела на покрасневшую от гнева Эльвиру.

– Ю годдэм райт, – пробормотал я с сарказмом в голосе, но меня снова не услышали.

Правда мать, внезапно успокоилась и спросила в ответ:

– Сьюзан, что мы всё обо мне, да обо мне, ты-то здесь по какому поводу?

– Я? – женщина на секунду замешкалась, а затем неуверенно произнесла, – я тут, просто по делам...

– Тётя, – внезапно вылез откуда-то из-за наших спин тот самый виденный мною ранее очкарик с метлой, – я всё купил.

– Гаврила... – совсем смешалась дама в розовом, – подожди меня э-э... вон там, у входа в лавку.

– Свежая кровь? – снова улыбнулась маман, когда тот, шурша пакетами и цепляясь за всё метлой, отошел, – у мальчика наверное сильный дар?

Сьюзан смешалась вновь и не найдя что сказать, отговорилась большой занятостью и быстро засемила прочь, что характерно, в противоположную от ждущего её парня сторону.

Вопросительно посмотрев на мать, я спросил:

– И что это было?

– Сьюзан Горшкова, – хмыкнула в ответ Эльвира, – не обращай внимания, та ещё стерва. Вот только, – она задумчиво посмотрела на мнущегося у входа очкарика, – зачем же ей потребовался он?

– Да ладно тебе, – брезгливо передёрнул я плечами, испытывая почти физическую

неприязнь к толпе людей в которой нам пришлось оказаться, – лучше быстрее всё купим, а то как-то затягивается удовольствие.

– Ты как всегда прав, сынок, – утвердительно кивнула Эльвира, – действительно, пора, наконец, выбрать тебе самую лучшую метлу.

– Всегда мечтал, – буркнул я и со вздохом поплёлся вслед за матерью.

Глава 2

Магазин мётел назывался просто – «Магазин мётел». С креативом тут явно была напряжёнка. Ниже на табличке было указано, что владельцем магазина являются некто Пафнутий и сыновья с какого-то там года, но дальше я уже не читал.

Зайдя внутрь, я огляделся и, поджав губы, вздохнул, мётел тут было и вправду завались. Всяких разных.

Они стояли, лежали, висели на стенах и свисали с потолка. Прямые, гнутые, волнообразные. С плотно прижатыми прутьями и с топорщившимися во все стороны. Гладкие и шероховатые, ребристые и с пупырышками, с утолщением на конце и без него. На любой вкус. Думаю, тут даже самый извращённый работник ЖЭКа нашёл бы инструмент по себе.

Стеллажи с рядами мётел тянулись вправо и влево, стройными рядами уходили в темноту как в бесконечность. И я, каким-то глубинным слоем подсознания, понял, заложенную в эти ряды метафизическую идею, что без метлы не останется ни один.

– Мда, не метла выбирает дворника, а дворник выбирает метлу, – процитировал я, негромко, пришедшую на ум фразу.

Тут мой взгляд натолкнулся на чуть в стороне стоявшую стойку с вениками, которые были куда как короче и легче, но стоило мне потянуться в их сторону, как мать тут же громким шёпотом одёрнула меня:

– Ты что, Дрейк, это только для женщин!

А жаль, я уж было надеялся отделаться малой кровью, но нет, придётся выбирать полноразмерное изделие.

– Так так, кто к нам пожаловал, – откуда то из темноты, пузом вперёд выплыл невысокий дядечка, в косоворотке и жилетке поверх которых лежала большая окладистая борода.

«Накладная?» – невольно задумался я, вглядываясь в неё пристальней, чем обычно.

Но та, похоже, была настоящей.

– Госпожа Рассказова! – узнал он мою мать и тут же расплылся в хитрой улыбке, – ждал вас, слухи уже донесли, что и старшенький ваш сподобился, значит, болдаром. Был уверен, что выберете именно наше скромное заведение.

– Мастер Пафнутий, – чуть наклонила голову Эльвира, – ну а какое же ещё, вы же единственный тут мётлами торгуете.

– Ну это тут, – скромно потупился тот, – а вот в Хабаровске есть ещё Григорий с сыновьями...

– Григорий? – приподняла в холодном недоумении бровь маман, – этот неумеха?! Занозы от его мётел из каких только мест не доставали.

– Ну это да, – Пафнутий гордо надулся, показал мозолистые ладони, – все черенки наших мётел тщательно полирую вот этими руками. Сам, лично. Никакой этой новомодной механизации и станков. Исключительно рабский... то есть ручной труд.

– Ну вот и ответ, – улыбнулась мать, – поэтому только к вам, и ни к кому другому.

– Нус-с, давайте подберём вашему сыну что-то по руке, – произнёс мужчина и принялся придирчиво меня разглядывать.

А я, чтобы было не так скучно, принялся разглядывать мётлы.

Так мы и стояли минут пять, пока, наконец, Пафнутий не отмер и не произнёс:

– Есть, есть у меня кое-что особенное. Прошу за мной.

Он резво побежал в темноту и нам пришлось поторопиться за ним, ибо в этой анфиладе стеллажей немудрено было потеряться.

– Берёза или дуб? А может канадский клён? – громко бормотал продавец, постоянно сворачивая то налево, то направо, запутывая нас и уводя всё глубже.

Хорошо ещё, что у меня абсолютная память, а то обратно без посторонней помощи бы не выбрались. А Пафнутий продолжал бурчать, касаясь на бегу то одной метлы, то другой:

– А прутья? Ива или тростник? А может ротанг? Или шиповник? А может терновник? Нет, всё не то.

Но наконец бег замедлился, и мы замерли у стойки, где стояло всего десять мётел.

– Вот, – показал на них запыхавшийся продавец, – вершина моего искусства. Всё, что там – он махнул рукой в сторону остальных стеллажей, – ерунда, ширпотреб. Совершенно не подходит старшему сыну рода Рассказовых.

– И что это? – поинтересовался я, разглядывая чуть изогнутые черенки.

– О, молодой человек, это уникальные мётлы, каждая из которых куда дороже, чем те деньги, что я за неё прошу.

Услышав такое, я сразу преисполнился самых чёрных подозрений, что сейчас нас попытаются развести как лохов. И точно, закатив глаза, с придыханием, Пафнутий начал перечислять, касаясь поочерёдно каждой:

– Зебрано, из Западной Африки, посмотрите на эту текстуру, на это чередование полос, то тёмных, то светлых, как наша жизнь. А это палисандр, его уникальный фиолетовый оттенок выделит вас из любой толпы. Здесь бубинга, метла из неё будет словно музыкальный инструмент, звучать при каждом прикосновении. А это эбен – «чёрное золото», такой чёрный, что с ним будет ощущение, что вы держите в руках сгусток первозданной тьмы. Ещё есть сандал... И агар... А ещё гренадил... Вот тут амарант... Бакаут, и этим всё сказано... И в заключение взгляните на умнини...

Уже после первых восторгов продавца, мой мозг перестал улавливать информацию, буквально отгородившись от потока не нужных мне сведений про все эти, несомненно, ценные породы деревьев. Я был готов поверить, что это и впрямь было то дерево, которое он называл, всё-таки обманывать в таком вопросе себе дороже, подмену распознают рано или поздно, но смысл переплачивать? Да будь метла хоть из золота с бриллиантами, она не перестанет быть просто метлой!

С которой, к тому же, нет необходимости постоянно ходить.

– Спасибо, – прервал я разливающегося соловьём Пафнутия.

Затем повернулся к стеллажам которые мы уже прошли и, не особо выбирая, схватился за первый попавшийся черенок:

– Беру вот эту.

– Но постойте, – бросился ко мне, заламывая руки, мужчина, – вы же ещё не слышали из чего там состоят прутья!

– Уверен, – ответил я, по хозяйски примериваясь к метле, беря то одним, то другим хватом, и пару раз шаркнув ею по полу, – что они тоже уникальны. Но я хочу вот эту.

– Ты точно решил взять такую простую? – нахмурила лоб маман.

Метла и вправду была абсолютно не выразительная. Прямой гладкий черенок, пучок ивовых прутьев на конце, перетянутый стальной проволокой, никаких украшений и

каких-то других выделяющих её среди остальных товаров особенностей.

Судя по всему, стояла она тут с незапамятных времён, потому что была покрыта слежавшимся слоем пыли и грязи. Но я уже хотел закончить с этим фарсом и поэтому упрямо сжимал ладони на черенке, твёрдо упирая хозяйственный инструмент в пол.

– Ну ладно, – вздохнула Эльвира, понимая по моему упрямому виду, что переубедить меня не получится, – берём эту. Сколько с нас?

– Три пият, – шмыгнув носом, печально ответил Пафнутий и когда совершеннейшая мелочь, по меркам любого аристократа, перекочевала из наших рук в его, я довольный быстрым решением вопроса, безошибочно направился к выходу.

Правда меня продолжало угнетать, что это только первая покупка, а впереди ждало ещё почти два десятка.

Оказавшись на улице, я крутанул метлу в руках, затем посмотрел по сторонам, таскать её вот так казалось мне совершеннейшей глупостью. Поэтому, прикупив с метр верёвки в соседнем хозтоварном, я привязал её на манер ремня к метле и повесил через голову за спину, так, что конец черенка стал торчать у меня над правым плечом, а прутья высовываться из-за левой ноги, с десятков сантиметров не доставая до мощёной брусчаткой улицы.

Сразу стало повеселей.

Следующим пунктом у нас было приобретение серебряного блюдечка с наливным яблочком. Но тут меня ждала приятная неожиданность. Потому что магический, по заверениям матери, предмет, оказался самым настоящим электронным планшетом круглой формы, в серебристом корпусе, с выдавленным на задней крышке изображением яблока.

Посмотрев наклейку я прочитал:

– Планшет модель ТГ-32Г «Наливное яблоко», произведён ООО «Серебрянное блюдечко», город Санкт-Петербург.

Следующим по списку шёл волшебный клубочек, который также оказался спутниковым навигатором с голосовым управлением.

Правда я так и не понял, почему все в магазине называли вполне обычные электронные устройства, только в оригинальном исполнении – волшебными. Видимо по устоявшейся традиции, не иначе.

С одеждой мы управились быстро, разве что ткань, из которой купили костюм мне, была получше и подороже, чем на выставленных на витрине образцах.

Ну а с бородой задержался уже я, придирчиво выбирая непривычный аксессуар. Всё-таки это, как-никак, а элемент внешнего вида, пусть и редко носимый. Поэтому все лохматые варианты я отмёл сразу. Не из леса приехал.

Стал присматриваться к бородкам поаккуратнее.

Завитые в косичку меня не впечатлили, я, конечно, во времена оны и с варварами успел по северным морям своего прошлого мира поплавать, разгуливая по палубе драккара в меховых трусах и рогатом шлеме, потрясая обоюдоострой секирой и хлебая одновременно из рога алкогольное пойло настоящее на моржовом хрене, но с тех пор сколько воды утекло, да и я успел окультуриться.

Всяческие импозантные мушкетёрские бородки с усиками тоже не привлекли. Туда же пошли и французская вилка с утиным хвостом, а также вся морская тематика: шкиперская и прочие паруса.

Всё было не то, совершенно. И чем дольше я ходил по магазину бород, тем сильнее портилось настроение. Всё было какое-то примитивное, без огонька. Да и цвета. Сплошь

естественные. Ни тебе фиолетового, ни зелёного, да даже синей бороды не одной.

Когда, наконец, уставший бегать продавец, всё-таки уразумел, что мне нужно, то надолго скрылся у себя в подсобке, что-то там двигая и переставляя. Один раз там даже что-то сильно упало, и продавец долго матерился на смеси русского и английского языков, но наконец, принёс пожелтевшую от времени картонную коробку.

– Вот, – утёр он пот со лба, размазав осевшую на нём пыль грязными полосами, – нашёл.

Открыв ту, я со скепсисом взглянул на совершенно, абсолютно белую бороду средней длины, что лежала там. Мда, и вот это продавец посчитал самым авангардным предметом своего ассортимента? Как же скучно они тут живут.

Со вздохом я кивнул и закрыв коробку, произнёс:

– Ладно, берём эту.

Выйдя на улицу, я небрежно сунул коробку в пакет и протянул матери. Терпеть не могу занимать руки поклажей. Ну чего стоило взять сюда с собой водителя. Но нет, магический район только для болдар.

Впрочем, Эльвира не возражала, с готовностью неся покупки за мной.

Подождав, когда она пристроит очередной пакет к восьми уже находящимся у неё в руках, я, насвистывая, направился к лифту, который должен был доставить нас обратно на поверхность, не обращая внимания больше ни на что вокруг. Остановил меня резкий и гневный окрик:

– Ты?!

В десятке метров от нас, тоже нагруженный вещами, стоял мой заклятый ненавистник Иванов рядом с недоумённо посматривающим на него Гаврилой. Было весьма вероятно, что моё появление прервало их милую беседу.

– Чего тебе, Такаюки? – дёрнул я бровью вверх, скептически разглядывая парня.

– Просто пройдёшь мимо, после того, что между нами было?!

Иванова, на фоне ненависти ко мне, опять понесло куда не туда, а может это было врождённое косноязычие? Но формулировал он свои мысли как-то странно. Вон и племянник Горшковой, распахнув глаза, ошарашенно стал переводить взгляд с меня на Такаюки и обратно.

– Что было, то прошло, Такаюки, зачем ворошить прошлое.

– Затем, что ты обманул меня!

– Я, – я холодно улыбнулся, – о нет, Такаюки, ты сам обманул себя, решив, что тот мой образ, который ты сам создал в своей голове – реален. А он не имел ровно ничего общего с реальностью. Я не такой, Такаюки, не такой, каким ты меня себе представлял. Отбрось мечты, они не сбудутся.

Иванов, выронив пакеты и крепче схватившись за метлу, как заевшая пластинка, стал повторять:

– Ты... ты... ты...

– Я – я, – ответил я ему, без особого интереса наблюдая как тот сначала краснеет, затем белеет, а потом и вовсе начинает покрываться какими-то фиолетовыми пятнами.

– Уб... уб... уб... – вновь попытался что-то сказать Такаюки, но вновь не смог.

Я повернулся к замершей с пакетами матери, что смотрела как-то подозрительно на меня, пояснил:

– Не обращай внимания, мама, это мой бывший одноклассник. Он не всегда чётко может формулировать свои мысли. Боюсь, его слишком часто били тяжёлым по голове.

– Убью! – наконец смог выпалить Иванов слово целиком и, яростно воздев метлу над головой с силой опустил вниз, пытаясь меня ею стукнуть.

Жалкая попытка. Я сдвинулся на полметра в сторону и схватившись за импровизированный ремень, сдёрнул свою метлу со спины. Магию мы благо разумно не применяли, за такое тут могли наказать весьма жестоко.

Впрочем, это я благо разумно, а Такаюки, похоже, начисто забыл, что он маг и схватившись за первое попавшееся – метлу, тут же ринулся в бой. Не слишком успешно, естественно.

Дворники всего мира давно бы валялись на полу от хохота, глядя на его неумелое метлокарате-до, ну а мне оставалось только, вовремя уворачиваться да кончиком черенка отводить от себя особо опасные длинные размашистые удары.

– Драка на мётлах! – разлетелся по улице чей-то клич, и нам тут же освободили место. Толпа отхлынула к домам и с интересом принялась наблюдать, то и дело комментируя:

– Ты смотри, как машет, аж воздух гудит!

– А второй-то, не промах, ловко уворачивается, да так элегантно.

– И не говори, сразу видно, аристократ.

Как можно было понять, элегантно порхал именно я. Мне было скучно и я просто отводил удары, дожидаясь того момента когда Иванов, наконец, поймёт всё бесполезность и тщетность своих усилий достать меня. Вот только это его, похоже, раззадоривало ещё сильнее. Как я и говорил, он всё ещё лелеял мечту меня победить. Глупец.

В какой-то момент он довёл себя до состояния боевого безумия и движения его стали резкими и непредсказуемыми, заставив меня немного напрячься, самую малость, конечно.

Звонкие удары черенков друг об друга разлетались далеко по улице и даже зрители и уличные зеваки притихли, заворожённо наблюдая за нами.

А затем мы сцепились самими метёлками, и прутья затрещали в этом своеобразном клинче. Иванов запыхтел, напрягая все силы, я тоже не сдавался, отчего черенки мётел стали постепенно выгибаться, потому что никто не хотел уступить.

Мне это не позволяло сделать положение аристократа, а Такаюки врождённое ослиное упрямство, за которое он и огребал всё школу. Хотя, казалось бы, будь чуть умней, и живи спокойно. Но нет, надо обязательно ссать против ветра и идти против системы, хотя проще-то как раз грести по течению. И тогда без проблем сможешь лавировать от берега к берегу, выбирая самые удобные пути. И ведь невдомёк ему, что гребя против, он один фиг движется, просто медленней остальных, потому что тратит силы на пустую борьбу с потоком, который куда сильнее его. Гибче надо быть, мыслить шире. А то некоторые упрутся в третий закон Ньютона как бараны, и талдычат, что сила действия равна силе противодействия. Вот только забывают, что прилагается она к разным телам, поэтому и воздействует по-разному.

Но тут мои философские размышления прервали, так как ещё одна метла, ударив снизу вверх, расцепила наши мётла и разделила нас, заставив замереть.

– Хватит, – хмуро заявил Гаврила, сверкнув очками, – достаточно.

Я, признаться, и забыл про него, но племянник мадам Горшковой продолжал оставаться неподалёку и вот теперь решил вмешаться. Что ж, уважаю решительных людей.

С Ивановым и правда всё слегка затянулось, а дома меня ждало филе ягнёнка, поэтому, закинув метлу за спину, я чуть кивнул Гавриле и заметил:

– Спасибо, уж и не знаю, что нашло на него.

– Ты его спровоцировал, – угрюмо ответил очкарик, после чего, взял Иванова за плечо и

повёл в противоположном от меня направлении, что-то негромко втолковывая тому на ухо.

– Я его спровоцировал? – дёрнув бровью, пробормотал я, глядя им вслед, – разве я сказал хоть слово неправды?

– Сынок, – ко мне подошла маман и неодобрительно покачала головой, – а если бы он тебя зацепил? Ты видел, какая грязная у него метла? Твоя белоснежная рубашка была бы бесповоротно испорчена, я уж не говорю о том, что было бы если бы он её порвал.

– Чтобы порвать на мне рубашку, – ответил я, – ему надо стать кем-то большим, чем просто Такаюки-куном, мам.

– Ладно, Дрейк, пойдём, дома нас уже заждались.

– Кстати, – вспомнил я, ещё одну деталь, – А Анюра тоже же здесь должна закупаться?

Но мать, услышав имя моей невесты, оказавшейся к тому же двоюродной сестрой, только насупилась и буркнула:

– Не знаю, где уж она должна, это мне совершенно не интересно. И вообще, отец тебе уже всё сказал. Не заставляй его злиться сильнее.

Я нахмурился, но ничего отвечать не стал. Неожиданно вскрывшееся родство между нашими отцами, и внезапно пробудившийся дар, от которого я чуть не отдал концы прямо там, не способствовали установлению дружественных отношений между нашими семьями. Папаши друг друга искренне ненавидели с детства, и застарелые обиды тут же вырвались на свободу и до драки, прямо там, в парке, не дошло совсем чуть-чуть. Вовремя появившийся патруль полиции, мигом распознавший в нас магов и схватившийся за пистолеты, остудил излишне горячие головы, но с тех пор мы с Анюрой больше не виделись.

Правда и об разрыве помолвки, так широко мною распиаренной родоки не заикались, из каких-то своих соображений. Тем более, что сделать это мог только я, а я пока выжидал и оценивал ища наиболее выгодные для себя варианты.

С моим болдарством возникло сразу столько новых не учтённых в моих расчётах факторов, что скоропалительные решения могли потом больно аукнуться. К тому же у нас был договор, а договора я привык соблюдать. Впрочем, при желании, я мог сослаться на форс-мажорные обстоятельства, и легко разорвать его в тот же миг. Но будет ли мне от этого выгода? Пока я не знал точно, и поэтому не торопился.

В день отправления, вертолёт уже ждал меня на лужайке за домом. Лёгкий, блестящий, словно игрушечный, он стоял на двух выступающих по бокам опорах. Лопасты винта медленно, словно с ленцой вращались в воздухе, а пилот в сферическом шлеме с зеркальным забралом, что-то бубнил в микрофон.

– Прощай, сынок! – не сдержала слёз мать, а отец ободряюще поднял кулак вверх. Обе близняшки, чинно стоящие подле них, дружно замахали платочками:

– Братик прощай!

И даже наш шеф-повар Вениамин Макароныч, не удержался от прощального жеста – всучил мне завёрнутого в фольгу запечёного поросёнка.

– Перекусишь по дороге, – шмыгнул он носом, и белый колпак на его голове мелко затрясся от прорвавшихся наружу рыданий.

– Ну успокойся, – ободряюще похлопал я его по плечу, – я буду навещать, обязательно.

Макароныч это я его так называл, на самом деле фамилия у него была Макареных, и готовил он просто божественно. Я был его любимчиком, и мне он всегда накладывал самые сочные и вкусные кусочки.

Забравшись в вертолёт, я сел на соседнее с пилотом сиденье и пристегнувшись, надел солнцезащитные очки.

Помахал напоследок, глядя как уменьшаются фигурки на лужайке, а затем, краем уха слушая переговоры пилота, принялся наслаждаться видами.

Погода как специально была преотличная, видимость до горизонта и вдаль уже блестела бесконечная водная гладь Байкала. Хороший край. Я понимал, почему под академию выбрали такое место. Большой Ушканий остров был средоточием природной силы, магическим полюсом поля окутывающего всю планету. Второй полюс был в мексиканском заливе, с другой стороны Земли.

Правда, местным это мало что давало, магия здесь напрямую с магическим полем не связана и черпать оттуда силы возможности нет, но, по заверениям бывавших на острове, там ясна голова и дышалось магам даже как-то легче. Жаль напрямую туда прилететь нельзя было, но даже так, добираться было куда приятней, чем по земле в объезд.

Когда мы подлетели к пристани на берегу, откуда к острову ходил паром, толпа новых студентов академии с баулами и метлами в руках уже толпилась там, в ожидании посадки.

Здрав головы, большинство с любопытством уставилось на садящийся вертолёт.

Распахнув дверцу, я соскочил на асфальт, чуть пригибая голову, под шумом рубящим воздух винтом, достал с заднего ряда крепкий армейский рюкзак, в который упаковал весь псевдомагический инвентарь, метлу всё с тем же ремненным креплением за спину и закинув всё это на плечи, пошёл, но только не к толпе, а мимо нее, туда, где сбоку от пристани стояли эллинги с катерами.

– Эй, Дрейк! – слышался из толпы чей-то выкрик.

Я махнул рукой, не особо вникая, кто это был, а сам, подойдя к дежурившему у эллингов мужчине, коротко произнёс:

– Дрейк Рассказов, у меня заказ.

Тот кивнул:

– Одну минуту, господин.

В этот момент началась посадка на паром и толпа дружно потянулась по трапу на борт.

К моменту, когда мне подогнали быстроходный катер, десятки голов уже высывались сверху, наблюдая за мной.

Закинув вещи в подошедшее судно, я запрыгнул следом и развалился в кресле сзади на открытой палубе, закидывая ноги на борт и подставляя солнцу лицо. Сегодня, было тепло и ласковые фотоны испускаемые светилом, нежно бомбардировали моё лицо.

Мы уже отплывали, на малых оборотах отходя от берега, когда с парома раздался чей-то полный зависти голос:

– Эй, а что так можно было?!

– А почему нельзя? – крикнул я в ответ, сверкнув зеркальными стёклами очков.

В это время мотор катера взревел, выходя на полные обороты и мы стрелой рванули вперёд, рассекая водную гладь и оставляя ещё не успевший отчалить паром далеко позади.

Катер был мощный, красивый, с парой кают на борту и гальюном, которым я, ради интереса, воспользовался. Водные брызги то и дело долетали до моего лица, бодря и пробуждая давно забытые воспоминания, и я сам не понял, как оказался на носу, в опасной близости от расходящихся в стороны бурунов воды, воздев кулаки к небу, яростно хохоча, и требуя от морского бога достойной добычи.

Опомнившись, я прошел назад, спрыгнув на палубу, мимо странно глядящего на меня рулевого. Ну и ладно, в конце-концов, у каждого свои причуды.

Тут показался сам остров и я принялся рассматривать возвышающуюся на нём крепость. Когда-то предполагалось, что она будет защищать адептов от внешнего мира. Но с появлением артиллерии и ракетного вооружения, каменные стены защитную функцию растеряли и остались больше как объект исторического значения. Впрочем крепость внушала, с видимой нами стороны высокие стены поднимались прямо из воды и вздымались на десяток метров вверх.

В гордом одиночестве, подрулив к пристани, я кивком головы поблагодарил мужчину и, подхватив вещи, спрыгнул на досчатый настил.

Большие ворота в стене были раскрыты и я увидел парочку силуэтов стоявших там. Подойдя ближе увидел пару весьма колоритных персонажей. Один был мужчиной лет сорока на вид, в подряснике белого цвета, с короткой, похоже своей, бородой, в белых же сапогах и с небольшой, всего сантиметров семьдесят пять метёлкой на боку. Та была какая-то странная, на вид резиновая, с ещё одной ручкой торчащей перпендикулярно, всяко удобней полноразмерной бандуры за моей спиной.

Второй была женщина, но тут уже возраст было определить сложнее, и я усреднённо принял, что где-то около тридцати, плюс-минус лет десять. Одета она была в белый сарафан и кокошник, но не прям вычурный, а такой, поскромнее в размерах, хоть и богато украшенный. Вместо веника, у неё к поясу была пристёгнута карманная метёлка, тоже декоративная, какой только крошки со стола сметать.

Меня они в упор не замечали, поэтому я стал свидетелем разговора на повышенных тонах.

– Сигурд, – недовольно выговаривала она мужчине, – хватит уже со своими шутками, давай без этого твоего посвящения в студенты обойдёмся.

Но тот только усмехался в ответ, скаля ослепительно белые зубы.

– Ничего ты не понимаешь, Марфа. Мы просто чтим традиции, вот и всё.

– Так некоторым студентам по тринадцать лет! Им выпить стакан водки ты считаешь

отличной идеей? – возмущению в голосе женщины не было предела.

– Любой болдар должен уметь пить водку, а к концу обучения выпивать бутылку и оставаться в ясном сознании, – прогудел он в ответ.

Женщина раздражённо фыркнула, выразив этим своё отношение к подобному тесту, добавила:

– А игра на балалайке тогда зачем?

– Марфа, ты у нас человек новый, многого просто ещё не понимаешь, – снисходительно посмотрел на девушку Сигурд, – балалайка это тоже традиция, это русская душа. Ты сама какую академию заканчивала?

– Английскую, – буркнула Марфа, – у меня папа дипломат.

– Ну хоть не саквояж, – хохотнул немудрёному каламбуру мужчина, – но тогда понятно, почему ты этого не понимаешь. Просто смотри и учись у старших товарищей. Набирайся уму-разуму.

Тут они, наконец, заметили меня и Сигурд, мигом отсканировав меня пристальным взглядом, нахмурился и спросил:

– Ты кто и откуда? Паром ещё не должен был подойти.

– Я Дрейк Рассказов, поступаю в академию, – любезно ответил я, – и я не на пароме, я прибыл индивидуально.

– Какой индивидуальный, – фыркнул мужчина, – думаешь ты один такой умный? В каждом потоке обязательно найдётся как минимум один, а то и два, считающие, что обманули систему.

– Я не обманывал систему, – заметил я спокойно, – обман предполагает нарушение какого-либо правила, но правила прибыть на остров исключительно паромом, не существует.

– Есть традиция! – грозно заявил мне любитель традиций.

Но я только пожал плечами и больше ничего не сказал.

– Он мог не знать об этом, – вмешалась девушка, затем улыбнулась мне и добавила, – будем знакомы, Дрейк, я преподаватель Академии Марфа Лавровна, а это старший преподаватель Сигурд Торнович.

– Старший преподаватель по магическим поединкам, – гордо поправил девушку мужчина, – и раз ты первый, – он плотоядно взглянул на меня, – значит первым и опробуешь моё посвящение в студенты.

– Сигурд, не надо! – попыталась его остановить девушка, но тот только грозно взглянул на неё и произнёс, чуть повернув голову в мою сторону, – пошли малец.

Зайдя вслед за ним в ворота, я увидел длинный стол прямо под открытым небом на котором стояли рядами бутылки водки «Пшеничная» и гранёные стаканы. Из закуски наблюдались лишь солёные огурцы и некрупными ломтиками нарезанное сало с чёрным хлебом.

– А можно своим из дома закусить? – тут же спросил я.

– Что, мамка бутерброды в дорогу положила? – хохотнул Сигурд, хитро прищурился, затем кивнул, – не возражаю.

Правда, когда я достал из рюкзака увесистый свёрток, и по воздуху поплыл аромат запечёного поросёнка, стоило только развернуть фольгу, улыбка с лица мужчины пропала. Он уже хотел что-то резкое произнести, когда я, достав нож, ловким ударом отхватил заднюю пороссячью ногу и протянул старшему преподавателю.

– Угощайтесь.

Секунд пять он колебался, но всё же не устоял перед букетом специй, которые Макароныч никогда для блюда не жалел. Со вздохом принял, но заметил:

– Раз так, то и я с тобой выпью, посмотрим, так ли ты ловок в питье, как в разделке мяса.

Я предложил кусок и Марфе, но та тут же замахала руками в воздухе:

– Спасибо, я не пью.

– Ну как знаете, – пожал я плечами, – нам больше достанется.

А Сигурд Торнович, меж тем, успел свернуть пробку у бутылки и алкоголь с отчётливым бульканьем начал литься в стаканы. С глазомером, кстати, у преподавателя по магическим поединкам, как и с твёрдостью руки было всё в порядке, водки в стаканах было налито ровно на сантиметр от верхнего края, настолько идеально, что как я ни присматривался, определить в каком стакане больше, так и не смог.

– Садись, малец, – кивнул он на лавку напротив и мы уселись, глядя друг другу в глаза.

– Пей, – произнёс он, пододвигая стакан ко мне.

Я посмотрел сквозь гранёное стекло на него, а затем, резко залпом влил в себя сорокоградусное пойло, чувствуя как то начинает двигаться вниз по пищеводу. Появилось ощущение тепла, сигнализирующее, что алкоголь начал потихоньку всасываться, но я не дал ему сделать своё коварное дело, тут же воспламенив прямо на ходу. Огневик я или не огневик, в конце-концов. Благо, сам по себе спирт выгорает почти без повышения температуры, главное только поджечь, но точноно поднять температуру на тысячу градусов на долю секунды внутри, была для меня не проблема.

Стоило внимательно наблюдающему за мной Сигурду отвлечься, замахивая свой стакан, как я тут же рыгнул в сторону, выдав полуметровый выхлоп синеватого пламени, после чего спокойно зажевал всё это поросёнком. В желудок мой из пищевода стекла уже обычная вода.

Старший преподаватель ничего не заметил, и с шумом выдохнув и занюхав свинячей ногой, стал опять внимательно за мной наблюдать.

После пары минут переглядывания, он взял следующую бутылку и решительно разлил по стаканам.

– Сигурд! – вскрикнула преподавательница, но тот только резко хлопнул ладонью по столу:

– А ну молчать, женщина, сейчас Дрейк Рассказов докажет мне, мужик он или не мужик!

Не став реагировать на подобную сентенцию, которая обычного подростка несомненно подтолкнула бы на скоропалительные действия, я, однако, без промедления взял наполнившийся стакан снова, и отсалютовав преподавателю, также залпом влил и его, напоследок доньшком опустевшей тары громко стукнув об стол.

И вновь, пока он выпивал свой стакан, я, с похожей на рычание отрыжкой, пыхнул огнём, словно какой-нибудь дракон. Увидев, что Марфа Лавровна, приподняв брови, молча меня разглядывает, чуть улыбнулся и подмигнул.

Когда и после второго стакана, я остался за столом, невозмутимо обгрызая свиные рёбрышки, недрогнувшей рукой Сигурд Торнович потянулся за третьей бутылкой, заставив меня только внутренне усмехнуться.

Как и ожидалось, история повторилась вновь, уже в третий раз. Вот только к угрюмой преподавательской решимости, добавились ещё и нотки тягучего недоумения, потому что самого препода по дуэлям, стало уже слегка вести, а я продолжал сидеть как огурчик, ни в

одном глазу. Что, однако, не помешало ему схватиться за четвёртую «Пшеничную» в очередной раз в попытке меня спойть. Но тут решительно вмешалась стоявшая подле нас, скрестив руки, преподавательница.

– Ну хватит! – громко произнесла она и силой вырвала водку из рук Сигурда, – он уже прошел это испытание!

Старший препод набычившись, сощурился, явно недовольный вмешательством, но затем, вынужден был кивнуть, признавая правоту коллеги.

– Ладно, – произнёс он уже мне, – не знаю как, но этот тест ты прошел. Теперь посмотрим как ты справишься с балалайкой.

Поднявшись из-за стола, мы прошли дальше, к небольшому помосту, где стоял посередине стул, а на стуле оперевшись грифом о деревянную спинку и сам инструмент.

– Давай. Если ты русский, то душа сама подскажет, как на ней играть.

Душа моя, конечно, русской не была, но опыт прошлой жизни никуда не девался. А в ней я, помнится, в бытность свою архимагом, как-то в порыве глубочайшей депрессии и поисков смысла жизни, лет десять инкогнито путешествовал под личиной бродячего барда. Правда, инструментом у меня была лютня, но тоже, как и балалайка передо мной, четырёхструнная.

Вскочив на помост, и вооружившись балалайкой, я присел, закинул ногу на ногу и, перебрав пальцем струны, прикрыл глаза, вспоминая, чтобы такое сыграть. А затем, внезапно, в голове всплыл образ одного моего старого знакомого, настоящего виртуоза, буквально жившего и дышавшего музыкой. В частности, его собственная композиция – «Песня золотого дракона». В его исполнении она завораживала и погружала практически в транс. Она не слишком подходила, ибо игралась на гитаре, но некоторые особенности боя неплохо ложились и на четыре струны (кому интересно, вот эта композиция – <https://youtu.be/7gphiFVVtUI>).

Начал я с медленного перебора, затем всё быстрее и быстрее, а потом и вовсе на пределе имеющихся связок переходя на резкий и яростный бой, снова сменяющийся более спокойным перебором. Как и в той жизни меня самого мелодия быстро захватила и я не заметил, как исполнил её всю, в финале резко, в последний раз, со всей силы ударив по струнам, так, что последняя не выдержала и со звоном порвалась.

Когда я поднял голову, то увидел, что стоявший перед помостом Сигурд Торнович, не стесняясь, плачет, утирая слёзы кулаком, а Марфа Лавровна смотрит то на меня, то на него ещё более расширившимися глазами.

Стало немного неловко, но в последний раз трубно высморкавшись в платок, старший преподаватель вытер мокрые дорожки на щеках и надтреснутым голосом произнёс:

– Зацепил, малец, прямо за душу взял. Ладно, теперь тебе осталось последнее испытание. Пойдём.

– И что за испытание? – спросил я, пока мы проходили в следующие ворота.

– Увидишь, – коротко ответил Сигурд, а затем буквально вытолкнул меня вперёд, в небольшой замкнутый кольцом стен дворик, в дальнем углу которого сидел самый настоящий бурый медведь.

Стоило мне оказаться там, как медведь поднялся на лапы и грозно зарычал.

– И помни, – раздался голос мужчины сзади, – испытание считается пройденным только если сможешь победить его без магии.

Но тут к нему добавился встревоженный женский:

– Дрейк, не слушай его, используй магию, это же дикий зверь!

– Используешь – и проиграешь! – вторил ей снова Сигурд.

– Не используешь, и он тебя порвёт! – вновь возразила ему Марфа, – оно не стоит того, чтобы так рисковать. Никто тебя из академии за это не выгонит!

– Ну и зачем ты это сказала? – упрекнул девушку старший препод, – это же испытание духа, а не магических способностей!

– Сигурд – ты идиот?! Нам в академии не нужны трупы.

– Нам не нужны слабаки, которые не могут заломать медведя!

– Они же дети!

– Да хоть же ребята! Слабые духом болдары нам не нужны...

Я перестал слушать их перебранку уже на втором предложении, потому что мишка, угрожающе рыча, двинулся ко мне. Косолапый был матёрый, больше двух метров в длину, и весьма отъетый. И как без магии завалить такую тушу, я не представлял, но у меня был козырь, мой инфразвуковой амулет, который я немедленно активировал, проведя рукой по груди, где он под рубашкой скрывался.

Уже метрах в пяти от меня, медведь насторожился, всё-таки звери более восприимчивы к инфразвуку, чем люди, а в трёх и вовсе остановился, прижав уши к голове и низко пригнувшись к земле. В рычании его слышалась уже не угроза, а страх. А когда я решительно шагнул к нему на встречу, резко возросшее давление инфраизлучения и вовсе вогнало животное в панику и, резко обосравшись, косолапый со всей возможной скоростью метнулся в свой угол, где прижался к стене.

– А я говорю это опас...

Тут, наконец, спорщики заметили что ситуация изменилась и голос Марфы произнёс:

– Ну нифига себе!

– Что? Ну даёт! – Сигурд подошел ко мне, с удивлением разглядывая, а затем хлопнул по плечу, – и ведь без магии! Я бы почувствовал. Ну удивил так удивил, – второй раз на моей памяти, кому это удалось. Ладно, малец, заслужил. В списке поступивших, на первой строчке стоять будешь, как лучший студент нового набора!

А я только вздохнул и подумал, и на кой мне это надо было?

Встречать остальных студентов мне пришлось с обоими преподавателями академии.

– Будешь примером, – важно заявил Сигурд Торнович.

Последствия нашего застолья уже успели выветриться, и старший препод был почти трезв. Быстро, но у магов свои приколы с метаболизмом.

Опёршись о метлу, я замер в раскрытых воротах, скучающим взором глядя в голубую даль. Испытания для поступающих были откровенно детские. Подумаешь, выпил пару стаканов водки, сбрыцал на балалайке и шуганул медведя. То ли дело Старталонский монастырь боевых пидара... то есть магов отшельников. Меня туда из родной академии сослали в наказание, за гордый нрав и нежелание становиться постельным мальчиком проректорши по внеучебной и воспитательной.

Но меня можно было понять. Та любила воспитывать исключительно парней, и исключительно в спальне своей проректорской башни. Особенно она любила облегающие одежды из кожи с вырезами в разных местах, плётки, шипастые браслеты, и чтобы называли её исключительно – Госпожа Боль.

Ладно бы кого другого, но я к тому моменту уже был чемпионом арены – Смертоносным Богом Убийцей Царём Смерти, и тут мне какая-то там госпожа приказывает снять штаны и приготовится к наказанию.

Плевать, что в стенах академии я был простым учеником, дух мой был духом чемпиона, а тело самым совершенным оружием, которое только доступно не магу.

Ярость вскипела во мне и, наплевав на последствия, я дал вырваться своему внутреннему зверю наружу, бросаясь к считавшей себя хозяйкой положения проректорше.

В одно движение я разорвал на ней мантию на две половинки, безжалостно содрал, оставляя голой, под её удивлённо-испуганный вскрик, схватил за волосы, грубо швырнул на колени. Плётка, вырванная из её рук, свистнула, оставляя красные полосы на белой заднице, ещё и ещё...

Всю ночь я наказывал её сам. Всё ночь её протяжные истошные крики оглашали территорию академии. А наутро она сломалась. Больше она не хотела называть себя Госпожой Болью, теперь она называла себя моей сучкой.

Правда, это не понравилось архимагу. Оказывается я вмешался в какой-то весьма важный учебно-воспитательный процесс, поэтому проректоршу быстро сменили, а меня в монастырь.

И только искусно сделанные железные плавки спасли меня от самого страшного. От потери самоуважения.

Паром, меж тем, прибыл и гомонящая толпа студентов стала подниматься от причала к нам.

– Стойте! – громогласно провозгласил Сигурд Торнович, стоило им оказаться от нас шагах в десяти, – вы вступаете на территорию Академии «Путь Первых». Но то, что вы стали болдарами, ещё не значит, что вы достойны академии.

Замершие будущие студенты озадаченно зашептались. Затем всё чаще стали поглядывать на меня. Наконец кто-то из толпы крикнул:

– А он?!

– А он уже всё доказал, – ответил басом старший препод, – Дрейк Рассказов прошел все

испытания, и я не я буду, если он не станет лучшим студентом этого курса.

– Если он прошел, тогда я точно пройду!

В первые ряды тут же вылез Иванов. Вид он имел решительный и крепко сжимал в руках метлу, словно готовясь с нею наперевес вступить в смертельный бой.

Его за рубашку сзади настойчиво дёргал куда более благоразумный Гаврила, но Такаюки уже закусил удила и пёр напролом, силясь доказать, что он не хуже меня. Как это знакомо и как же глупо, наступать снова и снова на одни и те же грабли.

Заметив в толпе Анюру, улыбнулся ей и чуть кивнул. Правда, она, почему-то, сильно засмушалась и тут же попыталась затеряться за спинами остальных. Ладно, никуда не денется.

– Смелость хорошее качество, – одобрительно произнёс Сигурд Торнович, – назови себя.

– Болдар Иванов, – гордо заявил тот.

– Здесь все болдары, – хмыкнул старший препод, – озвучивать это не обязательно. Ладно, Иванов, дуй вперёд.

Напоследок окатив меня полным ненависти взглядом, Такаюки гордо прошел вслед за мужчиной в ворота. А я вновь принялся скучать. Заодно послушал о чём шушукуются в передних рядах.

– Видела, как этот – Иванов, на этого посмотрел?

– На кого?

– Ну на этого – Рассказова.

– Видела, а что, они знакомы?

– Ха, знакомы. Ещё как знакомы. Драку устроили в магическом квартале. Я сама не видела, но там был сын маминой подруги и он всё видел. Говорят, они учились в одной школе. А потом тот воспылал любовью к этому.

– Тот это который?

– Это который Иванов. Говорят, он тайно вождедел этого.

– Этого?..

– Этого который Рассказов.

– Ну ничего себе?! А дальше что?

– А дальше Рассказов себе нашел невесту и Иванов тут же его возненавидел. Ну сама понимаешь.

– Ну конечно, от любви до ненависти один шаг.

– Вот-вот, там в магическом квартале они на мётлах схватились, просто жуть. И всё после того, как этот тому сказал, чтобы тот не мечтал.

– Тот это Иванов?

– Ну конечно, а кто же ещё.

– Ну дела, запретная любовь, отвергнутые чувства, ненависть и попытки доказать что ты лучше. И всё в нашей академии. Это так захватывающе.

– Ага, я уже даже хочу с них лубки нарисовать и название придумала.

– Какое?

– Альфа и омега, шипы и шиповник.

– Круто! Этот и правда, вылитый альфа, а тот – один в один бунтующий омега. А шиповник и шипы это у тебя символизирует единство любви и ненависти?

– Ну конечно, подруга, классно, правда?

– Классно, ага! Покажешь потом, что нарисовала?

– Ну конечно!

Я взглянул на обеих девиц, что с таким жаром обсуждали какие-то свои фантазии на наш с Ивановым счёт, и те, ойкнули и испуганно замолкли. Одна была типичная серая мышка лет пятнадцати, в очках и с хвостиком, а вторая полноватая, но вполне симпатичная кудрявая брюнетка чуть постарше.

Тут в воротах показался Сигурд и без особого сожаления возвестил:

– Иванов не прошел, следующий!

Народ замешкался, но тут вмешался я.

– Анюра, – махнул я призывно рукой, снова найдя её в толпе, – выходи.

Если бы мою просьбу не подкрепил тут же заострившийся требовательный взгляд старшего преподавателя, она, быть может, снова бы попыталась спрятаться за чужие спины, но замерев под строгим взором мужчины, она словно загипнотизированный кролик вышла вперёд.

– Это Анюра Светлова, – представил я её, – моя кузина и невеста.

Девушка в тот же миг покраснела как маков цвет, а Марфа Лавровна дёрнулась, посмотрела на меня, словно пытаюсь понять, шучу я или нет.

Сигурд Торнович тут же заулыбался и с достоинством кивнул:

– Приятно видеть такую красавицу невестой сего достойного мужа.

– А то, что она его двоюродная сестра? – зашептала преподавательница.

– И что? – удивился старший препод, – я тоже на двоюродной сестре женат. Ты же в английской академии училась, там и похлеще бывает.

– Бывать-то оно бывает, но я как-то не думала...

– И не думай, тебе это не идёт! – Сигурд громко расхохотался, а та буркнула:

– Мизогинный цисгендерный шовинист!

Слова были непонятные, но тон вполне определённый. Впрочем, Сигурд его тоже не почувствовал. Однако, выражение, на всякий случай, я запомнил, вдруг пригодится. Видать какое-то особо сильное английское ругательство. А то стыдно сказать, я кроме фак и шит и не знаю ничего.

– Однако, это не повод не проходить испытание! – снова произнёс старший препод и показал Анюре на ворота.

– Я проведу, – тут же произнёс я и приобняв Светлову за плечи, повёл внутрь.

Преподы чуть отстали, и я зашептал ей на ухо:

– Слушай внимательно. Первое испытание это выпить водки. Там целый стакан, поэтому надо схитрить. Как вариант, предлагаю тебе прямо в горле выморозить из водки спирт, затем его отдельно проморозить, ты же сможешь опустить температуру до минус ста двадцати?

Анюра была какой-то скованной и заторможенной, но всё же кивнула, давая понять, что меня слышит и мои мысли улавливает.

– Вот, потом незаметно выплюни его, а воду растопи и выпей. Так, второе испытание фигня – на балалайке сыграть, там уж как-нибудь сбрыцаешь, а вот третье уже серьёзной. Надо забороть в рукопашную медведя.

Светлова вздрогнула, и попыталась затормозить, но я держал её крепко, не давая сбиться с пути:

– Не дрейфь, мой медальон с тобой?

– Со мной, – разлепив губы, тихо ответила она.

– Ну и отлично, активизируешь его и можешь с медведем делать, что хочешь, на животных действует лучше, чем на человека.

– Спасибо, – вновь тихо произнесла она.

– Сочтёмся, – ответил я.

Тут мы как раз подошли к столу с водкой и я усадил девушку на ближайший стул.

Было тихо, за исключением того, что сбоку от нас, на подстилке из соломы под стеной лежал Иванов и пьяным голосом пел «Шумел камыш». Выходило не слишком музыкально, да и слова он всё время забывал, поэтому постоянно прерывался, начиная заново.

– Сказал, что тоже выпьет три стакана, – прокомментировал картинку подошедший Сигурд Торнович, – переоценил свои силы. Ладно, девица Анюра, тебе только стакан, большего не требуется.

Он наполнил гранёную тару, после чего протянул Светловой. Посмотрев на меня, та решительно взяла своими тонкими пальчиками стакан и принялась медленно, но верно, вливать в себя. Губы её чуть посинели и от рта слегка дало холодом, но заметил это только я, потому что находился совсем рядом.

– О, самолёт! – воскликнул я, подняв голову к небу.

Оба преподавателя тут же синхронно посмотрели следом, не сумев противостоять извечному человеческому любопытству. Благодаря этому, тихий звон кусочка льда упавшего на мощёный булыжником двор, никто не заметил. Я улыбнулся одними губами, а затем, когда никакого самолёта в небе никто не увидел, разведя руки, произнёс:

– Наверное показалось.

– Ну ладно, – Сигурд Торнович посмотрел на сидевшую как ни в чём ни бывало Анюру, пожевал губами, покосившись на меня, затем, со вздохом кивнул, – ладно, первое испытание пройдено.

Тут Иванов у стены икнул, что-то в его голове переключилось и он, забыв про камыш, затыкнул:

– Из-за острова на стержень...

– На стрежень! тьфу, грамотей, – пробасил старший препод, неодобрительно глядя на Такаюки, – ладно, не стоим, там ещё пятьдесят других студентов.

На балалайке Анюра схитрила – запела песню, струн едва касаясь. Но голос у неё был неплохой, и это устроило Сигурда.

Ну а с медведем вышло ровно то же, что и у меня. Бедняга даже подходить не стал, заранее почуяв, чем пахнет ситуация.

– Какой-то он малахольный, сегодня, – с сомнением заметил мужчина, – может заболел?

Но стоило ему только подойти ближе, как натерпевшийся страху косолапый, с рёвом бросился в атаку, размахивая лапами и подминая старшего препода под себя.

– Как думаешь, загрызёт? – спросил я, с интересом глядя на борьбу человека со зверем.

– Блин, сплюнь! – тут же суеверно произнесла Анюра.

Но тут в рычание медведя стал вмешиваться новый звук, всё усиливающийся. И наконец, мы услышали второй, не уступающий по грозности мишкиному рёв. Тушу медведя приподняло, а затем шмякнуло об стену, а вскочивший на ноги Сигурд Торнович, разорвав на себе подрясник, из под которого выглянула тельняшка, с криком: – За магию! – оседлал мотающего башкой косолапого и сдавил в удушающем захвате его шею.

Через пару минут всё было кончено и с видом победителя, старший препод направился к нам.

– Убил?! – охнула Марфа Лавровна.

Но тот только снисходительно покачал головой.

– Просто вырубил. Минут через десять придёт в себя.

Выйдя в ворота, Сигурд Торнович объявил, что Анюра испытания прошла.

А дальше потянулись остальные студенты, до которых мне дела не было.

На распределение попали все и те кто прошел испытания (я и Анюра) и все остальные, в большинстве своём засыпавшиеся ещё на стакане.

Нетрезвая толпа новоиспечённых студентов стояла перед последними воротами, отделявшими нас от этого храма науки, мучительно ожидая, когда, наконец, впустят.

Кто-то пьяно возмущался, кто-то блевал в сторонке, часть прилегла прямо на брусчатку, не в силах дальше стоять. Одна из любительниц лубка, не переставая икала, сидя неподалёку от меня, а вторая над ней хлопотала.

Я же, прислонившись к стене и достав пособие по квантовой механике, послунявив палец, медленно перелистывал страницы, вникая в основы. Кое-какие аспекты теории давали интересное объяснение эффектам высших заклинаний пространственной школы моего прошлого мира.

– Дрейк, – негромко произнесла Анюра, – мне дома запретили с тобой общаться.

– И? – произнёс я, продолжая читать.

– Я решила, что всё-равно буду с тобой общаться. Если ты, конечно, не против.

– Я не против, – снова ответил я, внимательно вчитываясь в текст, спросил, – а ты знала, что невозможно точно определить одновременно и скорость и координаты элементарной частицы?

– Слышала что-то, – произнесла сбита с толку девушка, – э-э, а ты точно услышал, то я спрашивала?

– Услышал, – ответил я, – ты моя невеста, поэтому я не против и дальше с тобой общаться.

Анюра снова покраснела, затем, отчаянно теребя сарафан, произнесла:

– Насчёт помолвки, мы же двоюродные брат и сестра...

– И? – снова спросил я.

– Я понимаю, что это всё фикция, но что подумают люди?

– Ничего, в среде аристократов жениться на кузинах нормально.

– Для тебя всё так легко и просто?

– Вот и ты будь проще, – я посмотрел на Светлову, – меньше забивай себе голову проблемами, и жить сразу станет легче.

В этот момент, ворота со скрипом стали отворяться, тут же треснули неизвестно где спрятанные хлопушки, и нас обсыпало цветной мишурой. Пришлось убрать книгу и приготовиться к ещё одному скучному действию.

Над площадью, за воротами висело здоровенное полотнище, с надписью красным на белом: – «Приветствуем первокурсников!». А в воротах стояла ректор академии Светлана Иосифовна Кладенец собственной персоной.

– Добро пожаловать, – произнесла она, окидывая нас ясным взором льдистых глаз, – и прошу за мной, на церемонию распределения.

Женщина была высокой, с короткой стрижкой пепельно-белых волос, в приталенном коротком сарафане из под которого выглядывали стройные мускулистые ноги, в красных сапожках. На голове у неё был кокошник, но совсем маленький, словно ободок на волосах.

Нас завели (а кого-то и занесли) в большой зал где, заставили смотреть на кафедру и выстроившихся сбоку от неё преподавателей в белоснежных подрясниках.

Ректорша, забравшись на кафедру, немедленно толкнула речь, которую я не слушал.

А затем началось распределение.

– Традиционно мы распределяем студентов на три факультета, – произнесла ректор, – вы, наверное задумывались, для чего нужно испытание, которые вы только что проходили? Как раз по его итогам мы и определили какой направление больше всего вам подходит.

– А выбрать, разве, нельзя? – выкрикнул кто-то из толпы.

– Можно, – мило улыбнулась Светлана Иосифовна, – но только тем, кто прошел все испытания, а таких у вас всего двое, их мы спросим отдельно.

О как, ну ладно, тем проще, хоть какой-то плюс.

Затем Сигурд Торнович подал ей бумажку с фамилиями, и ректорша принялась зачитывать:

– Марио Варшавский – факультет боевой магии, Светлана Бич – факультет боевой магии, Василий Бестужев – факультет магического управления, Диана Раскольников – факультет общей магии...

Слушать монотонное перечисление тоже было скучно, поэтому вскоре я занялся самоанализом и до меня стали долетать только короткие:

– Боевой магии... общей магии... магического управления...

Новенькое прозвучало лишь однажды:

– Иркутская исправительная колония!

Подняв голову, я посмотрел на заметавшегося парня лет шестнадцати, которого быстро обездвигили магией и выволокли из зала.

А ректорша важно заметила:

– Академия не место для малолетних преступников.

Ажиотаж быстро улегся и перечисление продолжилось. Иванов, кстати, попал на боевой факультет. Что ж, туда ему и дорога, я лично, бегать в пять утра строем и по пол дня швыряться заклинаниями по соломенным манекенам не собирался.

Почему я считал, что там будет именно так? Ну так, если рассуждать логически, факультет управления, это для людей коммуникабельных, инициативных и амбициозных, подозреваю, там большинство дети аристократов. Общей магии, скорее всего для умных и склонных к получению знаний, ну а боевой – для тех кто и звёзд с неба не хватает и вообще живёт по принципу – сила есть – ума не надо. Таких явно будут занимать различной тупой деятельностью, лишь бы те не начали страдать ерундой. Впрочем, они ерундой не страдают, они ей наслаждаются, что ещё опасней.

– Будешь выбирать, – шепнул я Анюре, – выбирай факультет общей.

Та кивнула. Распределение как раз закончилось и ректорша вызвала нас к кафедре.

– Ну что, хитрецы, – посмотрела она на нас прищурившись, – признавайтесь, мухлевали на испытаниях?

Анюра тут же побледнела, открыла было рот, но я ей сказать не дал, ответил сам:

– Мухлёр предполагает знание заранее условий игры, а испытания были для нас совершеннейшей неожиданностью. Боюсь, госпожа ректор, вас разочаровать, но мы прошли его самым честнейшим образом.

Светлана Иосифовна поджала губы, но кивнула:

– Ладно, сделаем вид, что поверила. Так на какой факультет планируете поступить?

Я незаметно толкнул Светлову и та скороговоркой произнесла:

– Факультет общей магии.

– Пожалуй, тебе подходит, – кивнула Кладенец, перевела взгляд на меня.

– Тоже факультет общей магии, – чуть склонил голову я, улыбнувшись одними губами.

– Хм, – нахмурилась женщина, – я бы, лучшим для тебя видела факультет управления, всё-же старший сын благородного рода, к тому же у тебя все задатки стать хорошим управленцем.

– Я уже не наследник, – ответил я, сохраняя на лице вежливую улыбку, – поэтому мне нет нужды учиться управлению.

Ректор посуровела, затем скупо молвила:

– Да, я слышала про эту неприятную историю, но, мальчик мой, – тут она коснулась моего плеча, – это не повод отчаиваться. История знает множество чудесных примеров того, как из безвыходной ситуации появлялся выход.

Что-то мне почудилось в её голосе, этакое, словно она пыталась показать своё сопереживание, будто бы я не безразличный для неё человек. Вот только я был уверен, что род Рассказовых никогда не пересекался с родом Кладенец, если такой род вообще существовал.

Анюра тоже изумлённо посмотрела на Светлану Иосифовну, и та поспешно руку убрала, вновь переходя на официальный тон:

– Так какое ваше решение, студент Рассказов?

– Факультет общей магии, – повторил я.

– Что ж, ладно, – вздохнула та, – но если вы решите перевестись, то в любой момент можете подать документы.

– Я непременно обдумаю ваше предложение, – кивнул я, – и обязательно его приму, если это будет отвечать моим интересам.

– И всё-таки, твоё место среди управленцев, – ответила Кладенец, а затем махнула головой в сторону бокового выхода из зала, – идите, там вас уже ожидают кураторы и старосты.

Небольшой коридор окончился ещё одним залом в котором все новоприбывшие уже успели разбиться на три неровные кучки, окружив стоявших с табличками кураторов и студентов старших курсов.

Больше всего было будущих боевых магов чей факультет имел красный опознавательный цвет, несколько поменьше общей магии с жёлтым флагом и ещё меньше, где-то вдвое по сравнению с боевиками – будущих управленцев гордо стоявших под зелёным стягом. Натуральный светофор и кто только придумал.

– Дрейк, иди быстрее! – услышал я знакомый голос.

Затем увидел призывно махающего мне младшего брата – Иоганна, который, похоже, был старостой управленцев. Но только покачал головой и вместе с Анюрой пошел к кучке в жёлтых цветах.

– Дрейк, не тупи! – брат подбежал ко мне, хватая за рукав, – факультет управления там.

– Я не на управление, – вновь покачал я головой, глядя в глаза опешившего от такого заявления парня.

– Тебя отправили на общую? – прошептал он, округлив глаза.

– Нет, я сам выбрал.

– Брат – ты идиот! – вспыхнул Иоганн, – совсем со своими книжками рехнулся. Ладно, хочешь жить с заучками и ботаниками, твоё право, но даже боевой факультет лучше желторотых.

Махнув рукой, он отправился к своим, разочарованный в выборе старшего брата.

– Кхым, – кашлянул длинноволосый парень, с жёлтым бантом на метле, проводив взглядом Иоганна, – так значит ты брат Рассказова?

Был он примерно моего возраста, но, судя по нашивкам, успел перейти на третий курс академии. Значит болдаром стал пару лет назад, лет в пятнадцать.

– Брат. С этим какие-то проблемы?

– Нет, никаких, – мотнул тот головой, – ладно, пойдёмте к коменде, будем вас заселять.

Дальше были хозяйственно-бытовые вопросы, потом общение с ушедшей престарелой женщиной, тут же распределившей всех в самые убогие комнаты общежития по четыре человека в каждую. Понятное дело такой расклад меня не устраивал, поэтому я поступил в лучших традициях мажора – сунул незаметно от остальных даме несколько крупных купюр.

В итоге поселили на этаж выше и одного, что меня вполне устроило.

Поставив метлу в угол, а одежду закинув в шкаф, я улёгся на кровать и снова раскрыл квантмех. Ужинать, почему-то не позвали, но у меня было ещё пол поросёнка и разогрев его на медленном огне с обеих рук, я с удовольствием похрустел запёкшейся корочкой, утоляя голод. А потом снова углубился в чтение. Так и заснул.

С утра коридор наполнился ряжеными бородачами от тринадцати лет и старше, и барышнями в здоровенных кокошниках и сарафанах в пол. С непривычки ноги девушек постоянно в сарафане путались и они поминутно падали, и кокошники с них слетали. Девушки со вздохом подымались, заново нахлобучивали головной убор и так до следующего падения.

Большинство парней почти те же проблемы имело с мётлами и бородами. И те и другие в силу длины, постоянно во всём запутывались. Метла норовила подставить подножку, а борода зацепиться за мимо проходящего.

Я посмотрел на посмеивающихся старшекурсников – кураторов. Если в средней школе малдар кошмарили унижениями напрямую, то здесь продолжали делать то же самое, но создавая искусственные трудности. И только перешедшие на более старший курс, получали право укоротить на пятнадцать сантиметров метлу и на пять сантиметров бороду, а девушки, соответственно – обрезать сарафан и кокошник.

Сам я метлу привычно держал на перевязи за спиной, а бороду заплёл косой по северному обычаю и вполне комфортно себя ощущал.

Но если в среде малдар цель стояла пробудить большой дар, то в академии ещё предстояло разобраться, к чему подобные ухищрения.

А ещё нам выдали справочник обязательных к употреблению слов и фраз и теперь каждый разговор между студентами начинался примерно так:

- Здрав буди, добрый молодец Карл.
- И ты здрава будь, боярышня Камилла.
- Да не боярышня, а барышня!
- Тьфу, перепутал!

В столовой тётке раздатчице обязательно, забирая разнос, сказать – благодарствую. А ежели встретишь преподавателя, так непременно ему – «исполать» произнеси.

Идёт такой Сигурд Торнович по коридору, а ему со всех сторон:

- Исполать, исполать, исполать, исполать...

Мне с моей абсолютной памятью хватило одного взгляда на словарик, чтобы спокойно ходить, исполатить и здрав будить всех подряд абсолютно без какого-либо напряжения. Хотите – получите.

– Дорогу дружине Херь Ферь Ерь! – послышался трубный глас и по коридору важно протопало с десятков подпоясанных красными кушаками студентов боевиков старших курсов.

Дружины эти были чем-то вроде давным давно сформированных сообществ по интересам, составлялись из студентов одного направления и принимали строго ограниченное количество членов в свои ряды, доказавших, что достойны и прочее бла, бла, бла. По идее, как раз сейчас там должны были освободиться места, потому что последний курс выпустился.

На нашем направлении тоже было такое общество, называлось – дружина Кси Пси Шта.

Как можно понять, формировалось название дружины из трёх букв старославянской кириллицы. Зачем – непонятно. Но как всегда – традиции и всё тут. Я, кстати, заметил, что тут любили слова из трёх букв. Даже на заборах писали.

- Привет Дрейк, ой, то есть, здрав буди, добрый молодец Дрейк!

Я обернулся, увидел подошедшую Анюру, кивнул:

– И ты здрава быть.

Была она тоже в огромном кокошнике и сарафане до пола, с веником в руках и сумой через плечо с учебниками.

– Ты видел, – начала она возмущаться, – чему тут учить собираются? Магия небесных цифр, астрология, флористика, эликсироведение, спиритизм, шаманизм, алхимия, магиеведение, теория магии... – При том, что минимум половина, это сборник древних преданий и ритуалов, практической пользы не имеющих.

Это да, тут она была права, ни химии, ни физики, ни матанализа, ни термеха, ни сопромата, ни гидродинамики, ни, даже, начертательной геометрии, которыми я так хотел плотно заняться в институте бездарей, тут не наблюдалось. И что делать с этой проблемой я пока не решил. Но терять время занимаясь ерундой и правда не хотелось. Впрочем, сначала надо было поглядеть на всё вживую. Поэтому я просто пожал плечами и ответил:

– Забей, не хочешь, не учи.

– Но ведь тогда выгонят?! – ахнула девушка.

– Ну выгонят и вы...

Тут я замер, ещё раз осмыслив сказанное Светловой, затем одобрительно качнул головой, по новому взглянув на девушку.

– А ты молодец, сразу сообразила.

– Что, сообразила? – на лбу Анюры возникла тонкая межбровная морщинка, она непонимающе посмотрела на меня.

– Что можно сделать так, чтобы нас выгнали. Это же так просто. Нас выгоняют и мы идём учиться в нормальный институт, где преподают физику, а не эликсироведение какой-нибудь.

– Дрейк, – она коснулась моей руки, спросила тихо, и даже чуточку жалобно, – может не надо?

– Надо, Анюра, надо!

Я уже всё решил и теперь оставалось только продумать все нюансы коварного плана. Впрочем, это было не слишком сложно. Я в прошлом был большой мастер коварных планов. Не побоюсь этого слова – гением коварства. Можно сказать, что коварство было моим вторым именем.

Помню в спальне у меня вся стена этими коварными планами завешана была, один другого коварней. Я даже игру придумал. Завязывал себе глаза, вставал к стене спиной и кидал нож за голову, в какой план он попадёт, тот и исполнять. И мне интерес и соседям неожиданность.

Хех, ни разу не смогли предугадать, где я ударю, и что сделаю в следующий раз.

Из воспоминаний меня выдернула Светлова, дернув за подрясник и шепнув:

– Смотри, Такаюки идёт.

– Да пускай себе идёт, – меня герой-простолюдин волновал меньше всего, так как ни в какой коварный план не входил.

Но Иванов просто пройти мимо не смог, или не захотел. Поэтому меня вновь отвлёл, только теперь уже его ломкий юношеский голос.

– Ты жульничал! – заявил он во всеуслышание, привлекая внимание окружающих.

Остановился возле меня, уперев руки в бока. Затем посмотрел на Светлову. Сказал с укором:

– Он и тебя заставил сжурьничать на испитании. А ведь я знаю, что ты не такая. Ты лучше его. Разве ты не видишь, что он пытается тебя испортить, сделать такой, как он сам.

– Эх, Такаюки-кун, – устало произнёс я, недовольный, что вновь приходится тратить на него время, – ты ни пить не умеешь, ни поражение признавать. Ещё и поёшь отвратительно.

– Да как ты! – он вспыхнул, сжал кулаки, – да я тебя!

– Так, не заводись, – попытался его остановить подошедший сзади Гаврила, тоже попавший на боевой факультет. Похоже они уже успели скорефаниться. – Ан опять тебя провоцирует.

– Гавр, отпусти! – воскликнул тот, – я ему сейчас как дам, как дам...

– В полночь, во дворе замка, – лаконично произнёс я, не собираясь дожидаться, когда он придумает, что мне даст. Тем более мне от него ничего и не было нужно.

Тот завис на секунду, недоверчиво смотря на меня, затем резко дёрнул подбородком и прошипел:

– Я буду. Будь уверен, я надеру тебе твой зад.

Они пошли дальше: тяжело дышащий и гневно раздувающий ноздри Иванов, и хмурый и недовольный Горшков. Как пить дать, ползет ночью вместе с Такаюки, ведомый долгом дружбы.

Дружба... Для чего она вообще нужна? Чтобы потом сидеть с другом в соседней камере и делиться впечатлениями? Куда лучше взаимовыгодное товарно-денежное сотрудничество. Каждый получает, что хочет и все довольны.

Когда они ушли, Светлова недоверчиво на меня поглядела и спросила:

– Ты пойдёшь ночью с ним драться?

Я в ответ посмотрел на неё как на дурочку, фыркнул:

– Ещё чего. Я разве сказал, что в полночь во дворе буду с ним драться?

– Но ты сказал: – в полночь, во дворе.

– Ну да, но я же не уточнил, что именно в полночь, во дворе.

– И что там будет, в полночь во дворе?

Я пожал плечами.

– Не знаю. Но верю, что Такаюки-кун что-нибудь обязательно найдет.

* * *

– Исполать, Матрёна Джоновна, – хором произнёс класс, встречая преподавательницу спиритизма.

Была она весьма габаритной дамой, с двойным подбородком и короткой причёской вьющихся волос. Из под сарафана, туго обтягивающего тело, столбами торчали две массивных ноги в красных полусапожках. Причмокнув губами, она оглядела класс и заявила:

– Приветствую дорогие мои! На самой важной дисциплине – спиритизме.

Я почесал подбородок. Бороду накладную на занятиях можно было снимать, а для мётел существовала специальная стойка при входе, так что лица одгруппников можно было рассмотреть без помех.

Было нас пятнадцать человек, и класс был поделён почти поровну на тех кому было уже двадцать и тех, кому едва исполнилось тринадцать. Ну и мы с Анюрой вдвоём, ровно посередине. Двадцатилетние были как один – худые очкарики, а тринадцатилетки тоже

худые, но без очков, так как не успели ещё компьютером испортить себе зрение.

Я, кстати, узнал, как их отобрали именно в жёлтую группу, невольно услышав их негромкие обсуждения до звонка на урок. Нас, по понятным причинам, они пока сторонились, но между собой быстро нашли общий язык. В общем все присутствующие не стали строить из себя героев и сразу честно сообщили Сигурду, что стакан водки не осият, играть не умеют, а на медведя не пойдут ни под каким видом. Ну а в красные, соответственно, записывали тех, кто отважно бросался в борьбу со стаканом, яростно теребил балалайку, и визгливым фальцетом пугал медведя, пытаясь изобразить боевой клич.

Я, конечно, утрирую, но логика отбора была примерно такая.

– Спиритизм, дорогие мои, – продолжила тем временем преподавательница, – откроет для вас чудесный и удивительный мир духов. Духовные проводники помогут вам лучше понять себя и свою магию, раскрыть потенциал, усилить дар, получить, наконец, духа покровителя. Мир духов куда ближе к нам, чем вы думаете и стоит их только позвать, путём совсем незначительных манипуляций, как они придут к вам на помощь.

Говорила она это, мечтательно зажмурившись и впад в состояние экзальтации. Я посмотрел на остальных, но увидел в глазах ботаников только скепсис. Видимо они духов ни разу не встречали.

Нет, духи есть, как ни быть ведь и сам, в каком-то смысле дух. Занявший чужое тело. Неизвестно кем и как вызванный, и вообще попавший в этот мир. Но я сильно сомневаюсь, что это произошло путём совсем незначительных манипуляций. Скорее эффект от моего убийства пробил дыру в межмировом пространстве и дух мой, действуя на слепых инстинктах нашел тело в которое проще всего было вселиться – Дрейка Рассказова, находившегося в состоянии близком к летальному и сожрал его отъезжавшую в мир иной и поэтому не сопротивляющуюся душу.

Ну а иначе как бы мне досталась прежняя память Дрейка.

В свою защиту хочу сказать, что вне материальной оболочки, дух, хоть и несёт в себе слепок памяти, но никак ею не распоряжается и является, по сути, некой нематериальной субстанцией с базовым набором инстинктов. Главный из которых – найти новое тело и вселиться в него. Помнится, ещё один архимаг, не из моей империи, весьма интересовался изучением духов и их повадками. Так вот, разумности в поведении духа, оказавшегося в материальном мире, ноль целых, хрен десятых. Он тут же постарается занять какое-нибудь вакантное местечко, вместо пространных бесед, да ему и беседовать, в общем-то, нечем, речевой аппарат отсутствует как таковой. Но и это ещё не всё, чем слабее душа, тем быстрее растеряет она память прошлого тела, поэтому я сильно сомневался, что то, что сможет призвать Матрёна Джоновна, сможет членораздельно говорить и разумно себя вести, даже вселившись куда-то. Скорее, подчиняясь базовому инстинкту, попытается её тут же сожрать.

В общем, всё что говорила преподавательница, было совершеннейшим бредом и то, что она ещё жива, скорее указывало на то, что ни единого реального духа она сама ни разу не встречала.

– А теперь, – она хихикнула, – проведём пробный спиритический сеанс, чтобы вы могли убедиться, что духи в самом деле есть.

Она суетливо метнулась к круглому столику посередине кабинета, плюхнулась на стул, сорвала с хрустального шара посередине накрывающий его платок, попросила крайнего сидящего возле двери:

– Будь добр, дорогой, выключи свет.

Шторы в кабинете итак были уже задёрнуты, поэтому стоило выключателю щёлкнуть, как всё погрузилось в мистический полумрак. Ну по мнению Матрёны Джоновны, наверное. Меня же неудержимо потянуло вздремнуть. Впрочем, следующая фраза сон перебила.

– Я вызову могущественного духа, знающего тайны вселенной и впущу его в себя, чтобы он мог разговаривать с вами моими устами.

Она что, дура? Добровольно впускать духа? Да ещё и могущественного? Мда, а если там придёт такой как я? Только ещё не уставший от мирской суеты?

Несколько раз сжав пальцы в кулак и разжав обратно, я приготовился, при первых признаках одержимости, с двух рук вжарить по спиритистке огнём. После того как сожгу её до состояния пепла, какой-бы ни был могущественный, дух гарантированно унесётся обратно в межмировое ничто. А перед ректоршей так и быть, извинюсь. Но думаю, на эту фигню они быстро нового преподавателя найдут.

Положив руки на шар, Матрёна Джоновна принялась раскачиваться и, закатив глаза взывать:

– Приди, приди, великий Аменхотепоглынафтали! Приди, приди!...

Спустя секунд тридцать она резко замерла, а затем изменившимся голосом произнесла:

– Я здесь, кто вызвал меня?!

Я поджав губы смотрел на преподавательницу, продолжавшую сидеть с закатанными глазами. Она издевается? Если бы в неё сейчас в самом деле вселялся посторонний дух, она бы каталась по полу и выла бы от фантомной боли двух сцепившихся в смертельной схватке духов.

– Ну же, спрашивайте, – поторопила она студентов всё тем же изменённым голосом, – я Аменхотепоглынафтали, я отвечу на любые ваши вопросы.

– Извините, – нерешительно поднялась с места вторая и последняя девушка в нашей группе, тоже, к слову, в очках, – а вы правда всё знаете? Все тайны вселенной?

– Да, ведь я один из самых могущественных духов.

– Да? – обрадовалась та, снова засмушалась, а затем, поправив очки, сбивчиво произнесла, – ну тогда не могли бы вы, хотя бы в общих чертах описать доказательство гипотезы Пуанкаре?

– Чего?! – голос преподавательницы на секунду сбился, но затем она выправилась, – я никогда не интересовался фамилиями людей и какими-то их гипотезами, это слишком мелко для вселенной.

– Ой, я поняла, – закивала девушка, – там говорится о том, что всякое односвязное компактное трёхмерное многообразие без края гомеоморфно трёхмерной сфере. Помогите с доказательством, ну пожалуйста, ну что вам стоит, – начала упрашивать Матрёну Джоновну та, – за доказательство миллион рублей обещают, а мне как раз деньги нужны.

– Как тебя зовут, девочка? – после долгой паузы поинтересовался Аменхотепоглынафтали.

– Яна, – ответила та.

– Послушай Яна, – голос преподавательницы вновь стал прежним, – иди в жопу.

Женщина недовольно посверкала глазами в сторону опешившей от такого ответа девушке и добавила:

– Всё, дух обиделся. Он вам про тайны вселенной пришел рассказать, а вы спрашиваете про какую-то ерунду. Гипотезы, доказательства – тьфу.

Она вылезла из-за столика и усевшись за обычный преподавательский стол, неприятным

голосом произнесла:

– Тетрадки открыли, записывайте – классификация духов. Духи бывают добрые и злые. Но добрые охраняют мир людей и не дают злым прорваться к нам. Добрые духи подразделяются на следующие классы...

* * *

– Ну и где этот гад!? – прошипел Иванов, когда они в полночь с Гаврилой, отворив тихо скрипнувшую створку ворот, оказались во внутреннем дворе Академии.

Тишина была полной, как и темень. Луну закрывали набежавшие тучи и хоть что-то разглядеть можно было лишь чуть дальше собственной руки.

– А я тебе говорил, что он не придёт, а ты повёлся, – укорил товарища Горшков.

Иванов постоял с минуту, насупившись, но затем буркнул:

– Надо всё-таки проверить.

Медленно они пошли вдоль стены, обходя двор по периметру.

Внезапно Гаврила схватил товарища за рукав и прошептал:

– погоди, вон там какой-то отсвет.

Пробравшись туда, где из-за угла стены, периодически мелькали какие-то красноватые блики, оба парня аккуратно заглянули за угол и так и застыли.

За углом находились старшекурсники их факультета, да не абы какие, а с той самой знаменитой дружины Херь Ферь Ерь. Они стояли полукругом, и горевший перед ними факел, подсвечивал красным ореолом крепкие фигуры. А у стены, с другой стороны факела находилась четвёрка сокурсников Такаюки и Гаврилы, тех, кого признали достойными для вступления.

Иванова царапнуло лёгкое чувство зависти. Дружина пользовалась заслуженным авторитетом на факультете и стать её частью было заманчиво, вот только рассматривали туда только тех, кто в испытании дошел до медведя и вступил с ним в бой. А Такаюки засыпался ещё на водке. Поэтому его даже слушать не стали, обойдя вниманием.

Старший дружины меж тем продолжал размеренно говорить, судя по всему, речь уже завершая. Парни прислушались.

– По традиции, в первую ночь нового набора мы принимаем в дружину новиков. Первая буква нашей дружины – Херь. Это наша суть, наше естество, начало и конец мужской доблести и самое грозное его оружие. Так достанем же херы и сожмём их, чтобы, как крепко стоит хер, так крепко и стояла наша дружина.

Дружно зашуршали верёвки и парни, все как один, приспустили штаны.

Горшков, глядя на это, не сдержался и еле слышно хрюкнул от прорывающегося наружу смеха.

– Тихо, – шикнул на того Такаюки, – услышат ведь.

Живо представил, как бы он на месте парней сейчас стоял, душа в кулаке одноглазую змею, и ненароком подумал, что может и хорошо что не попал в эту Херь Ферь Ерь. Больно странные у них тут вещи происходят.

Но ритуал внезапно прервал один из новиков.

– Не стоит, – раздался жалобный голос парня.

– Дрочи, – твёрдо приказал старшак.

– Дрочу, но он всё равно не стоит.

– Серый, – посмотрел юноша на своего соседа справа, – твою мать, вот это новое пополнение?! Вот это будущая надежда дружины?! У него даже не стоит! Ладно, тащи картинку с бабами, а то весь ритуал насмарку.

Такаяюки понял, что они сейчас пойдут сюда, попытался дёрнуться назад, но зацепился метлой, которую зачем-то прихватил с собой и рухнул на также готовящегося к бегству Гаврилу. Шум всё это создало невероятный, и когда они, наконец, выпутались из созданной ими самими кучи-малы, их уже окружали зло ощерившиеся старшекурсники.

– Так, так, кто это у нас?

Подсветив факелом, юноша в плаще увидел красные пояса на обоих парнях и с показным сожалением покачал головой:

– Как не хорошо, наши же первокурсники и посмели влезть в дела дружины, да ещё и после отбоя.

Подняв голову, он посмотрел на остальных и скомандовал:

– Пакуйте их.

Ещё раз улыбнулся и добавил:

– Завтра их будет ждать очень увлекательное занятие.

Выйдя утром во двор, позёвывая и потягиваясь, перед утренним построением, на которое гоняли всех первокуров, прививая зачатки дисциплины, я размял плечи, покрутил шей, а затем пошел туда, откуда раздавались странные лязгающие звуки.

Вскоре глазам моим открылось прелюбопытнейшее зрелище. Два одетых в полный латный доспех рыцаря, на карачках ползали и вручную выдирали пробившиеся в щелях брусчатки травинки. Оба они пыхтели как паровозы, припекаемые ярким солнышком, глухо и утробно дыша в здоровенных топфхельмах.

Подойдя поближе я услышал, как один из рыцарей, гулко, как из бочки, но вполне узнаваемо, голосом Иванова прохрипел:

– А-а, сволочи, гады, твари! Я так больше не могу!

– Не ори, – буркнул в ответ второй, голосом Горшкова, – а то добавят срок.

– Да пошли они, сами там писюны наяривали, а мы должны помирать тут в этом железе.

– Тихо, млять, – зло ругнулся Гаврила, тоже как и Иванов, тяжело дыша в весящем килограмм тридцать облачении, – ещё услышит кто про ритуал, точно ещё неделю из этих доспехов не вылезем.

«Хороший тамада, – подумал я, – и конкурсы интересные».

Но не стал мешать парням и так же тихо, неопознанным, ушел обратно, всё-равно, в своих консервных банках они ни разглядеть, ни услышать толком ничего снаружи не могли.

А я, меж тем, планировал свой коварный план. Главное было соблюсти несколько условий. Во-первых, нельзя просто не учить эту их ерундистику, реноме тупня мне не нужно, во-вторых, отмороженным хулиганом тоже быть полный отстой, я же не с красного факультета, в конце-концов. Нужно элегантное решение, которое будет, в то же время, невероятно бесить преподавательский состав. Я посмотрел расписание занятий, увидел там астрологию и план резко стал приобретать законченные очертания.

– Итак, приступим. Зовут меня Василий Безжалостный, но можете обращаться просто – Василий Хусеинович.

Преподаватель астрологии был щуплым мужчиной неопределённого возраста, с огромной залысиной, прикрытой тремя волосинами тщательно протянутыми с одного бока на другой. В руках он держал талмуд с зубодробильным названием «Астромагология».

Сидевший слева от меня, парень – Самир, насколько я помнил, а помнил я точно, поднял руку, поправив очки, и спросил:

– Разрешите вопрос, а Безжалостный, это прозвище или жизненная позиция?

– Это фамилия, молодой человек, – сухо произнёс препод, недовольно заметил, – я собираюсь перед вами раскрыть тайны вашей магической судьбы, а вы шутки шутите.

– Я не шутил, – озадаченно ответил одноклассник.

Он и вправду совсем не походил на того, кто может отмочить что-то смешное.

Василий Хусеинович промолчал поджав губы, затем хлопнул увесистой книгой по кафедре, выразив тем самым неодобрение легкомысленному поведению студентов на столь важном предмете.

– Итак, – начал он лекцию, – с давних времён, маги обнаружили связь магического дара с созвездиями на небе. Именно тогда была разработана теория астрологического покровителя, показывающая, что развитие дара напрямую связано с взаимным

расположением звёзд в созвездии и их влиянием друг на друга. Главное найти именно то созвездие, которое является астрологическим покровителем именно вашего дара, так как у магов они разные. Кстати, кто знает, что такое созвездие?

Безжалостный прервался на секунду, но желающих отвечать не наблюдалось, и он ответил сам:

– Созвездия это звёзды, образующие определённый рисунок на небе и, в силу расположения, взаимно влияющие друг на друга. Вот их влияние мы и будем изучать.

Он замолк, и я тут же приступил к реализации своего плана.

– Прошу прощения, – занудным голосом произнёс я, подымаясь с места, – но звёзды в созвездиях не могут влиять друг на друга, так как их близкое расположение является мнимым. В действительности, если измерить фактические расстояния до звёзд одного созвездия, к примеру Большой Медведицы, то мы увидим, что оно колеблется от двадцати пяти, до ста двадцати четырёх световых лет, это слишком большие расстояния, чтобы звёзды как-то могли влиять друг на друга. Если бы мы могли переместиться на несколько десятков световых лет в сторону относительно направления нашего взгляда, то ни одно созвездие бы уже не узнали, так как взаимное расположение звёзд сильно бы изменилось.

– Молодой человек, – язвительно произнёс препода, – не пудрите мне мозг, я прекрасно вижу, где и как расположены звёзды, и их влияние на магический дар ни единожды было подтверждено практически.

Я заметил, как остальные студенты стали переглядываться между собой. Судя по тенденциозности подхода к отбору студентов в «жёлтую» группу, тут люди были с критическим мышлением, и мои слова заронили в них зерно сомнения в состоятельности данной псевдонаучной дисциплины. Поэтому я решил развить успех.

– А вы прекрасно видели вооружённым взглядом? – уточнил я.

– При чём здесь оружие?! – буркнул тот, чем вызвал у меня снисходительную улыбку.

– Василий Хусеинович, – ответил я с лёгкой укоризной, – давным давно человечество изобрело такой прекрасный инструмент изучения неба, как телескоп. Если мы, в ясную ночь, взглянем на созвездие через него, то увидим рядом не одну, а две, три может быть даже пять звёзд, я уж не говорю про космические телескопы, которым не мешает атмосфера. Если исходить из вашей же логики, то они тоже, находясь в пределах этого созвездия, должны взаимодействовать друг с другом, а значит схема взаимодействия будет уже совершенно иной. Боюсь, вся ваша астрология полная чушь.

Препода побагровел, натурально покраснел так, что я подумал, что его сейчас удар хватит. А потом он заорал, брызгая слюной:

– Вон! Подите прочь, хам, щенок, невежа!

Всё с той же улыбкой кивнув на прощание, я перекинул сумку с учебниками через плечо и пошел к мётлам в гробовой тишине, мгновенно установившейся в аудитории.

Следом за мной, чуть помедлив, поднялась Анюра.

Так под пристальными взглядами остальных мы и вышли вдвоём, с гордо поднятыми головами.

Уже в коридоре девушка поинтересовалась, задумчиво покусывая губу:

– А это не чересчур грубо было?

– Согласен, – я кивнул, – орать мне – хам и невежа, было как минимум необоснованно, я был абсолютно вежлив и оперировал строго научными данными.

– Да нет, – прыснула она в кулачок, – я в смысле – ты с ним не слишком грубо обошелся?

Ты так прямо ему всё высказал.

– Анюр, – ответил я со вздохом, – ну а как ещё мы сможем привести в исполнение мой коварный план? Нам нужен конфликт, нужны эмоции. Ректора должны буквально завалить жалобами на нас, чтобы ей ничего не оставалось, как под благовидным предлогом нас из академии удалить. Главное запомни, у них не должно быть повода прицепиться к нам, что мы нарушаем дисциплину или просто забиваем на занятия, иначе нам накатают вдогон такую характеристику, что ни в какой институт бездарей мы точно не попадём.

Светлова задумчиво прищурилась, а я пояснил:

– При малейшем намёке на склонность к антисоциальной деятельности, болдара к бездарям не подпустят никогда, тем более к будущим квалифицированным инженерам и специалистам, чтобы потом, в один прекрасный момент, не получить кучу трупов. Пойми, рисковать никто не будет. И проверять нас будет аж три инстанции. Ну, вернее меня три, тебя две, ты не аристократка.

– Понятно, – серьёзно покивал Анюра.

– Вот и хорошо. Ладно, что у нас там следующее по расписанию?

* * *

Следующим по расписанию было эликсироведение. Зайдя в аудиторию, я посмотрел на столы, заставленные всевозможными колбами, кюветами, ретортами и пробирками, я словно оказался опять в своём мире. И это были нифига не комплимент. Когда справочники по организации химического производства предлагают реакторы, ротационные испарители, чиллеры, термостаты, кучу ультразвукового оборудования, установки для термической разгонки и нутч-фильтры, а тебе подсовывают минимум прошлый, а то и позапрошлый век с одной стеклянной посудой и спиртовками, это совсем не повод для радости.

Вопрос, что за эликсиры тут варят?

– Так-так, – прозвучал мужской голос от двери в глубине аудитории, – новый курс пришел приобщиться к таинству волшебных магических эликсиров? Проходите, не стесняйтесь, я вас познакомлю с самой важной для мага магической дисциплиной.

Преподаватель был всклокочен, неряшливо одет и чрезмерно оживлён.

Пробежав по рядам, он суетливо проверил, что у всех всё есть, и все на месте, после чего убежал обратно к своему преподавательскому месту.

За его спиной была доска со шторками и на раскрытой части было в строчку записано: – гамма-бутиралактон – > 1,4 бутандиол – > оксибутират натрия.

Заметил надпись не только я, потому что ещё один одноклассник по имени – Иося, полюбопытствовал:

– Извините, а у вас на доске, это тема урока записана?

– Что? – тот обернулся, затем поспешно шторку задёрнул, – нет, это не для вас, это для выпускного курса.

– А что это? – снова спросил любознательный Иося.

– Сложный магический эликсир, вам ещё рано такие изучать, – уклончиво ответил препод, а затем, спохватившись, – я же не представился, – добавил, с лёгким кивком, – Волтэр Гейзенберг, преподаватель эликсироведения, потомственный эликсиролог и эликсировед. Являюсь хранителем традиций всемагического российского общества

эликсирологии. На моих занятиях вы научитесь готовить магические эликсиры, которые раскроют перед вами все грани магического дара, и покажут такие горизонты, о которых вы даже не могли мечтать. Кстати, распространенное заблуждение, что эликсиры надо только пить. Нет, – Волтэр Гейзенберг хитро подмигнул, – их можно нюхать, вдыхать, втирать и даже вводить инъекциями. Эликсиры- это целый мир, попав в который однажды, вы больше из него никогда не захотите уходить.

Аудитория несколько оживилась, впечатлённая таким многообещающим предисловием. А вот я, наоборот напрягся, больно радостное лицо было у гражданина Волтэра. В моём мире эликсиры были, куда без них, и ценились весьма недёшево, я бы даже сказал – очень дорого, ибо высшие эликсиры могли и со смертного одра поднять и омолодить прилично. А ещё далеко не каждый мог эти эликсиры делать, потому что работа была ювелирная, чуть переборщишь с ингредиентами, и это уже смертельный яд. Я тоже кое-что умел, но до вершин мастерства, признаюсь честно, мне было тоже далеко.

Так вот, все виденные мною мастера улыбаться не умели в принципе, и вообще людьми были замкнутыми, не эмоциональными, то есть полной противоположностью нашего препода.

– А начнём мы знакомство с миром эликсиров, – радостно объявил Волтэр Гейзенберг, – вот с этого растения, на латыни называемого каннабис, – и достал из пакета на столе пучок стеблей конопли.

– Готовить мы будем эликсир употребляемый путём вдыхания, – добавил он и принялся раздавать стебли, идя по рядам.

И вот тут-то я всё и понял. Странное поведение препода, чересчур легкомысленное отношение к предмету, восторженные описания самих эликсиров. Очередная подмена понятий, попытка выдать обыкновенную наркоту за нечто волшебное. Не скажу, что я был сильно разочарован, я ведь подсознательно ожидал какого-то подвоха, но чтобы настолько примитивно?

А ещё появились вопросы, зачем это придумано и кем? Неужели стоит задача подсадить болдар на наркоту? Да, организм мага в целом крепче, чем у бездаря, но вода камень точит. Но про банальную коноплю тут знает практически каждый ребёнок, что простолюдин, что аристократ. Это что, такой длинный тест на стойкость? В общем, вопросы, опять вопросы.

Препод, раздав учебный материал, вернулся к столу и объявил:

– Процесс изготовления самый простой, я бы даже сказал – примитивный, поэтому каждый должен справиться. Берём стебель вот так, – он показал как – и делаем вот такие движения. Как закончите, открываете учебник на седьмой странице, там рецепт расписан полностью, и заканчиваете приготовления. Я вернусь, лично опробую каждый эликсир и выберу лучшего ученика.

Он подмигнул и добавил:

– А пока вы занимаетесь, я схожу в подсобку, где у меня уже готов эталонный образец.

Судя по всему гражданин Гейзенберг решил самым вульгарным образом курнуть, пока мы тут будем затыраться, вспомнил я молодёжный сленг. Что ж его дела, он, как говорится, судьбу свою принял сам.

Дождавшись, когда он уйдёт, – я посмотрел на стоявшую за соседним столом Анюру, озадаченно рассматривающую стебель с листьями перед ней и предупредил:

– Не вздумай это пробовать, это наркота, хоть и лёгкая.

– Да я, как бы, в курсе, – ответила та, – у нас кое-кто из парней тоже подобным

баловался, правда я не знала, что это они, оказывается, волшебный эликсир употребляли.

– Чудное открытие, не правда-ли, – я хмыкнул.

Заметил, что остальные тоже к нам прислушиваются. Но ничего им говорить не стал, если люди умные, сами сообразят, моя ответственность распространялась исключительно на невесту и только.

Страдать ерундой вместе со всеми не хотелось, да и коварный план требовал действия, поэтому, ещё раз оглядев помещение, я заприметил шкаф с различными бутылками и порошками и, выйдя из-за стола, решительно направился к нему.

– Эй, ты куда? – удивлённо окликнула меня Светлова.

Но я только махнул рукой:

– Не мешай.

Открыв чуть звякнувший стеклом сервант, я придирчиво осмотрел названия, наклеенный на бутылки и принялся собирать нужные. Препод хотел найти лучший эликсир? Ну что ж, я ему его обеспечу, надолго запомнит.

В прошлой жизни я перепробовал всё, несколько рецептов придумал сам. Чуть не сторчался до того, что почти перестал контролировать магический дар, однажды ночью развалив по камушку собственную резиденцию и испугался. Испугался настолько этого состояния, когда себя не контролируешь, плавая в наркотическом бреде, пуская слюни и подолгу зависая на одном месте, что выдернул всех лекарей, кого смог достать, а затем долгих десять лет лечился, стараясь избавиться от плотно впитавшейся в тело и крепко держащей зависимости. И то, нет-нет, раз лет в пятьдесят, желание впихнуть в себя что-нибудь этакое вылезало, как чёртик из табакерки, и приходилось всеми путями себя отвлекать. Что вы думаете, я полез на жену-суккубу верховного демона? Старался чем-то новеньким перебить психологическую ломку.

Когда попал сюда, это проклятье меня тоже оставило в прошлом как и прочие отметины долгой жизни, и заново подсаживаться на дурь я не собирался категорически. Нет уж, жизнь и так прекрасна, особенно когда есть такая вкусная еда.

Вернувшись к столу, я стал активно принесённые ингредиенты перемешивать между собой, то и дело взвешивая и отмеряя нужные. Потом засыпал в колбу, зажал её над спиртовкой, сбегал ещё к шкафу с кислотами, затем долил, найдя нужную, и развёл огонь.

Толковой вытяжки тут не было – ещё один камень в огород академии, уж парочку вытяжных шкафов могли и приобрести, но благо нашелся длинный шланг, один конец которого натянул на горлышко колбы, а второй высунул в форточку окна, а то надышишься паров кислоты, а потом рак лёгких вылезет, который тут ещё нормально лечить не научились.

Затем десять минут выпаривания, и вот уже голубовато-синие кристаллики тонким слоем устилают дно.

Погасив пламя, дождался когда колба остынет и буквально несколько кристалликов пинцетом добавил на бумажку, куда уже успел натереть плана. Затем всё скрутил в обыкновенную самокрутку – в соответствии с рецептом и довольный остался ждать препода. Правда, по привычке, переборщил с объёмом конечного продукта, там кристалликов было на пару сотен таких самокруток, но это были уже мелочи.

Все следы своей деятельности я тоже успел убрать, и когда ещё более весёлый Волтэр к нам вернулся, уже стоял как ни в чём ни бывало, на своём месте.

– Ну что, готово? – произнёс с предвкушением тот, потеряв ладони друг об друга, – чей эликсир первый опробовать?

– Если можно – мой, – поднял я руку, с лучезарной улыбкой на лице, – мне кажется, у меня получилось лучше, чем у других.

– Похвально, что вы так в себе уверены, плюс один балл за смелость, – одобрительно кивнул препод, – но всё-же давайте я сначала попробую.

Он взял косяк двумя пальцами, зажал губами, другой рукой начал шарить по карманам, ища, чем прикурить, но я тут же зажёг огонёк на пальце, используя толику дара и поднёс к кончику самокрутки, заставляя тот затлеть.

– Спасибо, – кивнул Гейзенберг и затянулся.

Брови его стали удивлённо подниматься, и выдохнув лёгкий голубоватый дымок, он задумчиво произнёс, – какой интересный вкус и эффе...

Тут он замер, глаза его остекленели, а затем закатились. Тело качнулось сначала вперёд, затем назад и он так и застыл, запрокинув голову и пялясь невидящим взором в потолок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/59r>